

СЕРГЕЙ СЕРИКОВ

Я ГОБЛИН-
АЛХИМИК 2

Сергей Сериков

Я гоблин-алхимик 2

«Автор»

2026

Сериков С.

Я гоблин-алхимик 2 / С. Сериков — «Автор», 2026

Вторая книга «Я — гоблин-алхимик 2» повествует о периоде стремительных трансформаций: главный герой, скромный алхимик Мих, обретает титул барона и принимает на себя ответственность за благополучие своих близких и всей империи. В сопровождении верных соратников — Бора и Грилфа — он проходит путь духовного становления, где каждое принятое решение предопределяет ход грядущих военных действий.

© Сериков С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Сериков

Я гоблин-алхимик 2

Глава 1

Капитан королевской гвардии шёл впереди, не оборачиваясь, и его плащ — тяжёлый, бардовый, с нашитой на левое плечо короной Болиантов — стелился по каменным плитам, как подрезанное крыло. Я считал шаги. Двадцать два от входа в крыло стражи до первой арки, потом длинный коридор с двенадцатью факелами в медных держателях, потом поворот, где потолок поднимается и появляются витражи. На каждом четвёртом шагу я находил стражника — два алебардщика у окна с зелёным стеклом, двое арбалетчиков на галерее, один маг-телохранитель в серой мантии коллегии, который не смотрел на нас, но и не отводил глаз от Бора. Перстень-классификатор на моём мизинце нагрелся и выдал оценку: третий круг, не угроза. Бор шёл справа, его посох из морёного дуба тускло светился голубым, и маг это видел — я заметил, как его правая рука дрогнула к поясному амулету. Грилф шёл слева. Он никогда прежде не был при дворе, и его огромный рост, серо-зелёная кожа и нижние клыки привлекали взгляды, как огонь привлекает мотыльков. Но Грилф не улыбался. Он знал, что его улыбка специфическая, о чём я ему неоднократно напоминал, и поэтому шёл с каменным лицом старательно прикрывая свои клыки верхней губой.

— Дальше прямо, — сказал капитан, не оборачиваясь. — Через малый тронный зал. Его величество ожидает.

Голос у него был ровный, как у человека, который повторяет эту фразу дважды в день. Я кивнул ему в спину. Система работала. Все на своих местах.

Малый тронный зал нас встретил холодом. Здесь пахло пчелиным воском и нагретым железом от жаровен обогревающий зал приёмов. Пол был выложен белым и серым мрамором, на стенах висели гобелены с охотой на единорога — старые, выцветшие, с тёмными пятнами крови на боках лошадей, которые никто не потрудился реставрировать. У дальней стены стояли трое магов в мантиях Магической коллегии. Я узнал Гринфолла он переступил с ноги на ногу, когда мы вошли и еле заметно кивнул мне. Двое других были мне незнакомы. Все трое — мастера, один граничил с гранд-мастером. Я мысленно усмехнулся. На троне сидел король Ингус Болиант. Грузный мужчина лет пятидесяти, в простом тёмно-синем дублете без вышивки, с короной на голове, которая казалась на нём тяжелее, чем была на самом деле. У него были глаза человека, который не спал толком с тех пор, как взошёл на трон: красные веки, желтоватые белки, под ними — два тёмных провала, похожих на высохшие колодцы. Справа от него стоял герцог Эвенвуд — высокий, сухой, с седой бородкой и глазами, которые считали меня и моих друзей так же методично, как я считал стражников. Слева — лэр Азард, тот самый, что не так давно выманил у меня эльфов-пленников. Азард мне кивнул. Я кивнул в ответ.

— Рон Мих из Речного, — сказал капитан гвардии, остановившись у ступеней трона. — С почтением доставлен по вызову вашего величества.

— Благодарю, капитан. Можете идти.

Капитан поклонился и вышел, не оборачиваясь. В зале остались — я, Бор, Грилф, король, Эвенвуд, Азард, Гринфолл и двое безымянных магов. Девять человек. Я посчитал не от нервозности. Я посчитал, потому что считал всегда.

— Подойди ближе, Мих из Речного, — сказал король. Голос у него был низкий, хриплый, как у человека, который только что встал после тяжёлой простуды. — Герцог рассказал

мне о тебе. О Фасете. О Чёрном острове. О зелье регенерации, которое вернуло к жизни мою племянницу.

Я подошёл к ступеням трона и остановился. Три шага до короля. Достаточно близко, чтобы чувствовать его запах — табак, кислое вино, и под ними — слабый, почти незаметный запах страха. Король боялся чего-то. Я не знал чего. Пока.

— Я слушаю ваше величество, — сказал я.

— Докажи, что Фасет — не байка для менестрелей из таверны, — сказал король. — Герцог верит. Гринфолл верит. Я — нет. Я слишком стар, чтобы верить в сказки про бога-насекомое из иного мира. Покажи мне что-нибудь, что я смогу увидеть собственными глазами.

Я выдержал паузу. Не для эффекта — для приличия. Когда король просит тебя показать магию, торопиться нельзя.

— Ваше величество, — сказал я. — Я могу показать. Но предупреждаю: то, что увидит ваш двор, не сказка. Если у кого-то слабое сердце — пусть выйдет. Я не отвечаю за последствия.

В зале стало тихо. Эвенвуд поднял бровь. Азард слегка наклонил голову. Гринфолл у дальней стены сделал шаг вперёд. Король смотрел на меня, не мигая.

— У придворных крепкие нервы — слабые здесь не задерживаются. Показывай, рон Мих.

Я снял с плеча сумку, достал Лютню. Сумка была тяжёлой — в ней лежало всё: зелья, свитки, кинжал Хранитель у бедра, два запасных накопителя. Лютня была лёгкой — почти невесомой. Я провёл большим пальцем по сине-фиолетовому кристаллу-усилителю. Камень тёплый. Камень голодный. Камень — готов.

«Хозяин, — прошепестел у меня в голове голос Лютни, — Я спою то, что было. Я не могу показать того, чего не было.»

«Я знаю, — ответил я мысленно. — Покажешь то, что было».

Я взял первый аккорд. И второй. И третий — и на третий. Зал исчез.

Сначала пришёл запах. Песок, нагретый солнцем, которого здесь не было. Сухой, мёртвый, со странной нотой — что-то между серой и ржавчиной, — которую я потом не смогу вспомнить, сколько бы ни пытался. Это был запах иного мира. Запах Фасета.

Потом пришёл свет. Багровый, плотный, как кисель, свет солнца, которое светит белым светом. Песчаная пустыня — бескрайняя, выжженная, и в ней — пирамиды. Чёрные, гладкие, с гранями, которые не отбрасывали тени. Они как будто впитывали свет, не отдавая его. И на их гранях были видны глаза. Множество глаз. Словно тысячи людей были замурованы в камень.

Потом пришёл звук. Низкий, ровный гул, как гул трансформаторной будки, как гул чего-то очень большого и очень древнего, что дышит. Гул не прекращался. Гул шёл из земли.

Пирамиды стояли на большом расстоянии друг от друга, а между ними, по белому песку, ползли фигуры. Я знал, что это. Я уже видел это в голове адепта. Фигуры были людьми, но не совсем: у них не было глаз, вместо них — тонкие щели, как у насекомого, а кожа была покрыта мелкими чешуйками, которые переливались, как масло на воде. Они несли что-то на носилках. Сначала я не разобрал что. Потом разобрал. Человеческие тела. Десятки, сотни тысячи тел. И каждое из них было живо — я видел, как поднимаются и опускаются их рёбра. Несли эти тела к пирамидам.

Запах ударил вторым. Сладковатый, едкий, как гниющая плоть, смешанный с серой и горелым волосом. Кто-то из магов у дальней стены охнул. Гринфолл стоял, прижав руку к груди, и его лицо побелело, как пергамент.

Потом пошёл звук. Низкий, ровный, как будто где-то глубоко под землёй молотили в огромный барабан, и каждый удар отзывался по всему телу. Лютня гудела, выдавая частоту за частотой, и каждая частота открывала слой за слоем. Третьим пришёл сам бог Фасет.

Я не буду описывать его. Я не могу. Я видел его — глазами убитого адепта, из памяти которого Лютня сплела этот образ. Это было насекомое. Огромное, разумное, из иного мира.

В зале кто-то вскрикнул — это была королева. Она вошла как раз тогда, когда иллюзия достигла своего пика. Видимо, она решила присоединиться к аудиенции с опозданием, но уже в первую секунду поняла, что попала не в тот зал. Вскрикнув, она прижала руку к груди и отступила на шаг. Король побледнел, но не отводил глаз. Я видел, как у него дрогнула левая рука — потянулась к королеве, остановилась, легла на подлокотник трона. Не встал. Не подошёл. Король, который не встанет при виде испуганной жены, в этом мире либо очень занят, либо очень боится.

Я убралмыслеобраз. Струны Лютни замолчали. Песок осыпался. Стены из костей растаяли. Пирамиды схлопнулись. Фасет исчез. В зале остался только запах — сладковатый, едкий, который не сразу выветривался.

Тишина стояла секунды три. Гринфолл первым нарушил её.

— Ваше величество, — сказал он, и голос у него был хриплым. — Теперь вы понимаете, почему я год искал эти порталы.

Король не ответил. Он смотрел на меня. Потом перевёл взгляд на королеву. Элара прижимала руку к груди, но уже оправилась. Король кивнул ей — иди, мол. Элара ушла, не оборачиваясь, и за её спиной закрылась тяжёлая дверь.

— Что это было, — сказал король. Не спросил. Сказал.

— Память адепта, — ответил я. — Я извлёк её из головы одного из тех, кого мы убили на Чёрном острове. Лютня проигрывает мыслеобразы, ваша шарманка проигрывает мелодии. Это не выдумка. Это то, что они помнили. И, судя по тому, что они помнили, они это видели своими глазами.

— Сколько их было? — спросил Эвенвуд. Голос у него был ровный, как у человека, который привык задавать вопросы в залах, где от ответа зависит жизнь.

— На Чёрном острове — двадцать семь. В империи, по моим оценкам, — сотни. Может, тысячи. Я не знаю точно. Секта Тёмных спящих тайная организация.

— Чего они хотят? — спросил король.

— Открыть три портала, — сказал я. — Три древних осколка, разбросанных по империи. Они хотят впустить Фасета в Торр. Если они это сделают, ваше величество, то через год здесь не будет вашего трона. Здесь будет пирамида.

Король помолчал. Потом посмотрел на Гринфолла.

— Это правда?

— Правда, ваше величество, — ответил Гринфолл. — Я нашёл два из трёх осколков. Один — на Чёрном острове, как и говорит рон Мих. Второй — у меня, в коллегии, под охраной. Третий — в Васторне, и мы не знаем, кто его охраняет.

— Тогда почему вы не нашли третий? — спросил король, и в его голосе впервые проступила ярость.

— Потому что, ваше величество, — сказал Гринфолл, — мы не знали, что именно искать. Рон Мих узнал совсем недавно. У него есть инструмент, которого нет у нас. И память адепта, которой нет у нас. И команда, которая уже побывала на Чёрном острове, чего не сделала ни одна из ваших гвардий.

Король опять помолчал. Потом повернулся ко мне.

— Ты, — сказал он, — знаешь больше, чем говоришь.

— Я знаю ровно столько, сколько нужно, чтобы вы мне поверили, ваше величество, — ответил я. — И ровно столько, чтобы вы дали мне то, что мне нужно, чтобы это остановить.

— Чего ты хочешь? — спросил король.

Я ждал этого вопроса. Я готовился к нему всю дорогу от поместья до дворца.

— Должность, — сказал я. — Не титул барона. Баронство — это земля, а земля означает вассалитет, а вассалитет означает, что я буду обязан одному из ваших герцогов, и тогда я не смогу работать на вас, ваше величество, потому что мой сюзерен будет требовать, чтобы

я работал на него. Дайте мне должность. Королевский алхимик. Не земля — статус. Право свободного входа во дворец в любое время. Право обращаться к вам напрямую, без герцогов и без советников.

Эвенвуд поднял бровь. Азард чуть заметно улыбнулся. Король смотрел на меня долго, и в его глазах медленно проступало что-то похожее на уважение.

— Ты, гоблин, хитрее, чем выглядишь, — сказал король.

— Ваше величество, — ответил я. — Я выгляжу именно так, как есть. Я алхимик. Алхимик не может работать, если ему мешают. Дайте приказ мне не мешать.

— Хорошо, — сказал король. — Королевский алхимик. Право свободного входа. — Он повернулся к Эвенвуду. — Герцог, обеспечьте охрану его поместья. Я не хочу, чтобы завтра его дом сожгли из-за того, что он не понравился его соседям.

Эвенвуд поклонился. Я тоже поклонился.

— Ваше величество будет довольно, — сказал я.

— Не будет, — ответил король. — Но хоть что-то. Ступай. Азард, проводи.

Я вышел из зала. Бор и Грилф — за мной. У двери я обернулся. Король сидел на троне, и его рука всё так же лежала на подлокотнике, и в его глазах было то, чего я не хотел видеть: страх. Король Болиант, наследник династии, которая правила Андовиллем триста лет, боялся. Это было плохо. Король, который боится, — это король, который делает глупости. Мне нужен был король, который злится и поступает правильно.

В боковом коридоре, у окна с витражом, изображавшим святого Марка с мечом и книгой, нас дождался Азард. Он стоял спиной к нам, заложив руки за спину, и смотрел на витраж. Когда мы подошли, он обернулся.

— Рон Мих, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

— Я слушаю, лэр Азард.

— Не здесь, — он кивнул в сторону ниши, где стояла скамья и где не было видно из коридора. — Сюда.

Мы прошли в нишу. Бор остался у входа, Грилф — у второго. Я сел на скамью. Азард — рядом.

— Формальная жалоба, — сказал он. — Клан Золотой Рыси через своего представителя при дворе подал кровную жалобу на Лириэль и лэра Адимуса. Утверждают, что Адимус соблазнил эльфийку, а Лириэль нарушила обет помолвки с Ингларом из их клана. Жалоба будет рассматриваться в королевском совете через седмицу.

Я помолчал. Кровная месть. Знакомо. На Земле это называлось «разбирательством по понятиям», здесь — «судом кланов». Суть та же: кто сильнее, тот и прав. Только здесь сильнее — это не ствол и не кулаки, это влияние при дворе и магия. Что ж, у меня есть и то, и другое. Посмотрим, у кого больше.

— По закону они правы? — спросил я.

— По закону кланов — да, — ответил Азард. — Кровь клана перевешивает закон королевства. Без тебя Лириэль не выйдет живой из зала совета. Они имеют право потребовать её выдачи, и совет, скорее всего, удовлетворит требование.

— А со мной?

— С тобой — они подожмут хвост. Ты — королевский алхимик. У тебя право свободного входа во дворец. Тебя нельзя тронуть без разрешения короля. Но они попробуют обойти — через совет, через герцогов, через гильдии. Они долго готовились.

— Я буду, — сказал я. — Где и когда?

— Через седмицу. В зале совета, в полдень. Приходи с советником, хорошо знающим наши законы, если у тебя есть такой.

— У меня его нет, но меня есть Бор.

Азард посмотрел на Бора, который стоял у входа в нишу и не двигался. Потом усмехнулся.

— Это лучше советника, — сказал он. — Но всё равно приходи, и не с пустыми руками. Они подкупили двух судебных советников из девяти.

Я кивнул. Азард встал. Я тоже.

— Мих, — сказал он. — Я не на твоей стороне. Я на стороне короны. Но корона сейчас — это ты, потому что ты единственный, кто видел Фасета и единственный знаешь что делать. Не дай себя убить в ближайшие седмицу. Это важно.

— Постараюсь, лэр Азард.

Он ушёл. Я проводил его взглядом до поворота коридора. Потом встал и пошёл к фургону. Бор и Грилф не задавали вопросов. Они видели, что я думаю.

Фургон стоял у входа в крыло стражи, на том же месте, где мы его оставили. Два мерина — гнелые, с белыми носками, купленные у торговца из Олхэма за пятнадцать золотых — лениво жевали овёс из торбы. Я сел на козлы. Бор — рядом, сел на скамью и закрыл глаза, Грилф залез в фургон. Три часа до поместья. Я молчал все три часа. Бор и Грилф не задавали вопросов. Они знали, что мне нужно подумать.

Дорога от Андовилля до поместья Валериуса теперь уже моё, шла через Старый мост, мимо гильдии наёмников, мимо рынка шерсти, мимо восточных ворот, где стража лениво проверяла пропуска, и дальше — по тракту, обсаженному липами, которые ещё не начали желтеть. Закат был тёплым, медным, и небо над полями выглядело так, будто кто-то разлил по нему мёд. Через час молчания Бор тронул меня за локоть.

— Мих.

— Слушаю.

— Ты был прав насчёт короля. Он не дал тебе титул. Дал то, что не привязывает.

— Угу.

— Зачем ему это?

— Затем, Бор, что король неглуп. Баронат — это земли, это вассалы, это голос в совете. Барон может стать угрозой. Королевский алхимик — нет. Королевский алхимик — это инструмент, и инструмент всегда под рукой, и всегда можно отложить в сторону. Король хочет меня иметь под рукой. И он хочет, чтобы я зависел от него, а не он от меня.

— Понял, — сказал Бор и помолчал. — А Золотая Рысь?

— А Золотая Рысь — это уже наша забота. Через седмицу совет. Готовься.

Бор кивнул и больше не спрашивал. Я смотрел на медное небо над полями и думал о том, что король Ингус только что дал мне ровно то, что я просил, а это всегда плохой знак. Короли не выполняют просьбы без причины. Значит, у Ингуса была причина. Я не знал какая. Я собирался узнать.

Ворота поместья открыл Ольгерд — новый привратник, пожилой хуман с лицом, вырубленным из старого дуба, которого Алекс нанял из ветеранов гильдии. Ольгерд кивнул, не спрашивая, как прошёл день. Я ему за это был благодарен. Меринов увели в конюшню, я направился к дому.

Поместье Валериуса было не просто домом. Место силы — старое, с толстыми стенами из серого камня, с узкими окнами, с башенкой в северо-восточном углу, построенной над магическим источником. Дом питался маной хозяина и в ответ давал защиту: с каждым шагом к парадному входу у меня в голове прояснялось, а усталость уходила, как вода в песок. Дом работал.

Я разделся, скинул парадный дублет — подарок Фролла, тёмно-зелёный, с серебряной вышивкой, который натирал шею, — переоделся в рабочую рубаху.

Я спустился в лабораторию. Она находилась в подвале поместья, под главной лестницей, за дубовой дверью с медной ручкой в виде свернувшейся змеи. Я открыл дверь, вошёл, акти-

вировал светильник — четыре магических шара под потолком, реагирующие на присутствие хозяина. У дальней стены стоял длинный рабочий стол из чёрного дерева: алхимические весы с медными чашами, набор стеклянных реторт, пять керамических ступок, гранитная плита, бронзовый котёл на треноге. У левой стены установка для тонкой очистки ингредиентов, работала она только при хозяине-маге, который мог ее активировать. Я пока не мог. Валериус обещал научить.

Я подошёл к столу, сел на высокий табурет, достал из магической сумки Лютню, провёл пальцами по струнам. Лютня тихо откликнулась, но я не активировал её. Я смотрел на Чёрный камень души.

Камень лежал на отдельной подставке из чёрного бархата, в углу стола, между двумя медными подсвечниками. Я привёз его с Чёрного острова — из логова Высшего Лича, где мы нашли три камня. В одном уже сидел Эрегон. В двух других — ученики архимага Валериуса, Фауст и сам Морриган.

Эрегон проснулся давно. Трое других молчали. Я ждал, когда они сами захотят говорить.

Сегодня камни пульсировали. Тёплым внутренним светом, медленно, как сердце старого человека, который долго спал и наконец просыпается. Я смотрел на них секунды три. Потом положил ладонь сверху.

Голоса пришли одновременно.

— Хозяин... мы готовы говорить.

Четыре голоса. Эрегон — первым, как всегда. Валериус — вторым, медленно, с тем особым архаическим тоном, который я уже узнавал. Фауст — третьим, тихо, с придыханием. Морриган — последней, и её голос звучал, как треск сухой ветки под ногой. Четверо. Не трое, как я рассчитывал. Четверо.

Я не пошевелился. Я держал ладонь на камне и слушал. Где-то наверху, в парадном зале поместья, Ольгерд тяжело бил в медный колокол, созывая слуг к ужину. В конюшне заржал мерин. В лаборатории горели четыре магических шара, и тени от них ложились на стол, как четыре раскрытые ладони. А из камня шёл голос Валериуса, и голос говорил:

— Хозяин. Под лабораторией есть второй уровень. Туда ты ещё не спускался. Спустись. Я ждал этого двести лет.

Глава 2

Каждое утро я завтракал в «Золотом драконе», сегодня оно началось с яичницы с ветчиной и сыром, взвара из лесных трав: терпкого, с лёгкой горчинкой, он напоминал травяной чай, только крепче и письма. Завтрак принесла служанка, на большом медном подносе; письмо — посыльный мастера Фролла, хозяина таверны, на серебряном подносе, что уже само по себе было знаком. Письма на серебряных подносах в Андовилле носят, когда хотят, чтобы их прочитали непременно. Печать на сургуче — змея, обвившая древо — была мне незнакома. Я вскрыл печать ножом для масла, развернул плотный пергамент. Почерк был ровный, выверенный, из тех, каким пишут писари серьезных людей: ни одного лишнего росчерка, точки стоят на положенных местах. Текст — вежливый до тошноты.

«Его сиятельство граф Ларс Беннет, владетель Восточного Лога, низайше просит рона Муха из Речного, королевского алхимика, оказать честь дому Беннетов присутствием на обеде примирения. Обед состоится в загородном поместье Беннетов, что в трёх часах езды по Северному тракту, в третий день седмицы, к полудню. Буду рад разделить с гостем трапезу и разговор. Граф Ларс Беннет.»

Я прочитал письмо трижды. Слишком вежливо. Слишком вовремя — вчера я получил титул, сегодня утром уже прилетает приглашение. Кто-то очень быстро узнал, что у королевского алхимика нет ни герцога за спиной, ни клана, ни армии. Кто-то решил, что меня можно убрать, пока я не оброс связями. Я свернул пергамент в трубку и сунул за пояс. Фролл ещё стоял у стола, ожидая ответа.

— Передай курьеру, — сказал я. — Рон Мух благодарит графа Беннета за приглашение и примет его.

— Слушаюсь, рон Мух.

Посыльный поклонился и ушёл. Я допил молоко, вытер губы салфеткой и поднялся в свою комнату которую мастер Фролл передал мне в бессрочное пользование, как компаньону. Нужно было собраться с мыслями. Через полчаса я принял решение и отправился в усадьбу.

В лабораторию я спустился ещё через час. Бор и Грилф уже были там — Бор сидел на высоком табурете у стола, Грилф стоял у Лабиринта Валериуса и с интересом смотрел на трубки устройства, из которых струился голубоватый туман. Я положил пергамент на стол, придавил его медным подсвечником.

— Приглашение на обед, — сказал я. — От графа Беннета. Отца того самого Генри, которому я сломал нос в подворотне.

Бор поднял голову.

— Ловушка?

— Ловушка.

— Идешь?

— Иду.

Бор кивнул. Он не спрашивал, почему. Он уже знал, что я не из тех, кто отказывается от ловушек, потому что отказ от ловушки — это признак страха, а страх при дворе чуют за две комнаты. Я положил ладонь на Чёрный камень души. Камень отозвался тёплой волной.

— Валериус, — сказал я мысленно. — Нужен совет.

Голос архимага пришёл не сразу. Сначала — шорох, как сухие листья под ногой, потом — его слова, медленные, с тем архаическим тоном, от которого у меня каждый раз ёкало под ложечкой.

— Слушаю, хозяин.

— Меня зовут на обед. Граф Беннет. Отец парня, которому я сломал нос. Приглашение пришло сегодня утром, через день после того, как меня назначили королевским алхимиком. Это ловушка.

Пауза. Достаточно долгая, чтобы я понял: архимаг думает.

— Хозяин, — сказал Валериус. — В моё время на такие встречи звали, чтобы отравить. Сейчас нравы мягче. Но ненамного.

— Что посоветуешь?

— Иди. Сидеть в поместье и прятаться — это тоже знак. Знак слабости. Иди, но с тремя страховками.

— Слушаю.

— Первое. Зелье универсальный антидот. Выпей до обеда. Яды оно нейтрализует, а парализующие — особенно. В моё время парализующие яды были в большом ходу у аристократов: жертва не может пошевелиться, а потом её режут в «пьяной ссоре», и свидетели подтверждают, что гость напился и полез на хозяина с ножом.

— У меня есть антидот. Я сам варил.

— Хорошо. Второе. Ментальный щит. На себя и на друзей. Граф Беннет — не маг, но его сын Генри — студент боевой магии в коллегии. Я не знаю, чему его успели научить. Может, ментальной атаке. Может, нет. Лучше перестраховаться.

— Сделаю.

— Третье. — Голос Валериуса стал тише, и в нём проступила та особая хрипотца, с которой он говорил о вещах, которые считал забавными. — Возьми с собой настойку. Свою. Красную. Налей хозяевам.

— Зачем?

— Никто, хозяин, не отказывается от настойки Горна. Это проверка. Если они выпьют и попросят ещё — значит, не травят. Если откажутся — значит, точно травят, и знают, что настойка с антидотом не сочетается.

— Откуда они могут это знать?

— Они могут не знать. Но трус всегда отказывается.

Я мысленно усмехнулся. Валериус был циником шестьсот лет назад. И остался им. Я убрал ладонь с камня. Бор смотрел на меня, Грилф — на Бора. Оба ждали.

— Готовимся к обеду как к бою, — сказал я. — Бор, четыре амулета. Все, что есть. Грилф — лёгкую броню под камзол. Оружие берём. Алекс с отрядом едет следом, на расстоянии получаса. При первом сигнале — входят.

— Сигнал? — спросил Бор.

— Я активирую Лютню. Одна нота. Кто услышит — бежит.

Бор кивнул. Грилф оскалился — то, что он считал улыбкой, — и вышел из лаборатории. Я слышал, как он поднимается по лестнице, тяжело, по-медвежьи, и каждая ступенька под ним стонет. Бор задержался.

— Мих.

— Да.

— Если они всё-таки попробуют — я их вынесу.

— Знаю.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я это сделаю.

— Знаю, Бор.

Он кивнул и ушёл. Я остался в лаборатории один. Достал из стеллажа три фиала зелья антидота — себе, один Бору, один Грилфу. Выпил свой залпом. Горько, как полынь, с металлическим привкусом. Потом сел и двадцать минут плёл ментальный щит — на себя, на Бора, на Грилфа. Это было плетение из шестнадцати узлов, каждый из которых я привязывал к ауре получателя, как рыбак привязывает поплавков к леске. Когда я закончил, у меня слегка гудело

в висках. Я вышел во двор. Фургон был уже запряжён. Бор стоял у козел, подтягивал подпругу. На нём был парадный камзол — тёмно-синий, с серебряной вышивкой по воротнику, — но под камзолом угадывалась кольчуга. Грилф, сын мастера Горна, в камзоле цвета бордо с поддетой под него лёгкой бронёй, выглядел ещё внушительнее: его плечи были на три ладони шире дверного проёма, и я видел, как Ольгерд, державший стремя, невольно отступил на шаг, когда Грилф повернулся к нему. Я надел парадный дублет — подарок Фролла, тот самый, тёмно-зелёный, с серебряной вышивкой. Через плечо повесил чехол с Лютней. Лютня в чехле выглядела как обычный музыкальный инструмент, не более. Я знал, что это не так.

Алекс ждал нас у ворот с четырьмя наёмниками — весь его отряд, пять человек включая командира. Все верхом, все при оружии, все в дорожных плащах с надвинутыми капюшонами. Алекс — коренастый хуман с рыжими усами и шрамом через левую бровь — кивнул мне.

— Мих. Распоряжение?

— Едете за нами. Дистанция — полчаса езды. Если услышите звук Лютни — одним длинным аккордом, — входите в поместье. Без предупреждения. Без переговоров.

— Понял.

Я кивнул. Алекс тронул поводья, его отряд развернулся и ушёл по тракту. Мы выехали следом, но медленнее, чтобы держать дистанцию.

Северный тракт шёл через лес, потом через поля, потом опять через лес. Лес был старый, дубовый, с подлеском из орешника, и в нём пахло грибами и палой листвой, как всегда, пахнет в старых лесах в начале осени. Я считал повороты. Семь. На седьмом повороте тракт разветвлялся.

— Мих, — сказал Грилф из кузова.

— Слушаю.

— А если обед не задастся — можно я им сломаю что-нибудь, кроме носа?

— Можно, — ответил я. — Но только если я скажу. Не раньше.

— Ладно.

— Грилф, — сказал Бор. — Ты обещал.

— Я помню, — пробасил Грилф.

Я усмехнулся. С Грилфом было просто. Он хотел одного — чтобы ему разрешили. Мы свернули налево. Через полчаса впереди показались крыши. Поместье Беннетов стояло на холме, окружённое старой каменной стеной с четырьмя башенками по углам. Стена была сложена из тёмного песчаника, поросшего мхом. Ворота — дубовые, окованные железом, с гербом Беннетов: змея, обвившая древо. Я снова увидел этот герб. На письме он был на сургуче. Здесь — на воротах. И мне это не нравилось.

— Готовы? — спросил я, не оборачиваясь.

— Готовы, — ответил Бор.

— Готовы, — пробасил Грилф.

Ворота со скрипом разошлись, и перед нами возник мажордом: пожилой хуман в строгом чёрном одеянии. Его лицо, будто высеченное из того же песчаника, что и стены, не выражало ни единой эмоции — сплошная каменная невозмутимость. Он сдержанно поклонился.

— Рон Мих. Его сиятельство ожидает вас в малом зале. Прошу.

Мы спешили. Фургон конюх перегнал к хозяйственным постройкам. Бор повесил на него заклинание от взлома. Я прошёл за мажордомом через двор, вымощенный булыжником, по которому эхо от моих шагов разносилось гулко. У входа в дом мажордом распахнул двустворчатую дверь, и меня встретил запах: старое дерево, воск, дым камина, и ещё — едва уловимый, кислый запах, который я знал слишком хорошо. Запах страха. Кто-то в этом доме боялся. Я вошёл в малый зал.

Зал был длинный, с низким потолком, обшитым тёмными панелями из морёного дуба. По стенам висели портреты — десять, по пять с каждой стороны, в тяжёлых рамах чёрного

дерева. Все предки Беннетов смотрели на меня. У всех были одинаковые глаза — холодные, серые, с прищуром. Граф Ларс Беннет стоял у камина. Худой, седой, лет шестидесяти, в чёрном дублете без украшений, с одной серебряной цепью на шее — знаком графского достоинства. Лицо у него было длинное, скуластое, с тонким ртом, и в нём было столько желчи, что её хватило бы на троих. Глаза — серые, как у портретов, и такие же мёртвые. Жена его, как я знал, умерла двадцать лет назад при родах Генри. Граф не простил этого миру. Это я читал по его ауре, как по открытой книге.

— Рон Мих, — сказал граф. Голос у него был тихий, ровный, без единой интонации. — Рад, что вы приняли приглашение.

— Ваше сиятельство, — ответил я, слегка поклонившись. — Благодарю за честь.

Генри стоял справа от отца. Молодой, лет двадцати двух, красивый, с той особой ядовитой улыбкой, что бывает у избалованных наследников. У него был сломанный нос — мой подарок — и он сросся криво. Я протянул ему руку. Он пожал. Я активировал истинное зрение. Аура Генри была именно такой, как я ожидал: чёрные пятна зависти в солнечном сплетении, красные вспышки ярости в над головой, серые разводы по краям. Характерный букет. Я мысленно усмехнулся. Граф Ларс жестом указал на стол.

— Прошу. Обед подан.

Стол был длинный, на двенадцать персон, но сервирован только на пять мест. Меня усадили в торце, лицом к двери, как я и хотел. Бор сел справа, Грилф — слева. Беннеты сели напротив. Между нами, на столе, стояли серебряные кубки, кувшин с красным вином, блюдо с нарезанным хлебом, и три тарелки с закусками: солёная рыба, маринованные оливки, тонкие ломти сыра. Первые два блюда прошли в гробовой вежливости. Граф Ларс говорил о погоде.

— Дубы в этом году рано желтеют, — сказал он, подцепив вилкой оливку. — К зиме, видимо, рано.

— Возможно, ваше сиятельство, — ответил я. — Я не местный. Не местных примет.

— Откуда вы родом, рон Мих?

— Из Речного, ваше сиятельство. Поселок у подножия Серых гор.

— Далеко.

— Не очень.

Генри молчал. Но его взгляды на меня были как ножи — мелкие, частые, с расстояния в полтора локтя. Я делал вид, что не замечаю. Бор тоже молчал. Грилф ел. Грилф ел основательно, методично, с тем особым удовольствием, с каким едят люди, привыкшие к тому, что еда может быть последней. На третье блюдо подали жареного кабана. Слуга — молодой парень, лет семнадцати, в ливрее Беннетов — поставил тарелку передо мной. Я заметил, что его рука дрогнула. Он быстро отступил. Я не показал, что заметил. Я сидел, смотрел на тарелку, медленно поднес левую руку к кубку, как будто хотел пить, но активировал Обнаружение — тихо, без жестов, одним мысленным посылом. Зелёное свечение вспыхнуло на тарелке. Слабое, едва заметное, как плесень на хлебе. Яд. Не смертельный — парализующий. Через минуту я должен был бы потерять возможность двигаться. Через две — возможность говорить. Через пять — «случайная смерть на пьяной ссоре», свидетели подтверждают, коронер констатирует, дело закрывают. Я не пошевелился. Я взял кубок с вином, сделал глоток, поставил. Вино было кислое, с осадком. Я не пил. Я держал кубок у губ и ждал. Ждал правильно. Подождать нужно было минуту. Дать им думать, что я ем.

— Ваше сиятельство, — сказал я, откладывая кубок. — У меня с собой настойка. Моего производства. Позвольте угостить вас и вашего сына. За примирение.

Граф Ларс поднял бровь. Я заметил, как Генри чуть дрогнул. Дрогнул, как дёргается человек, который ждал удара и услышал шаг за спиной.

— Настойка? — спросил граф.

— Да, ваше сиятельство. Красная настойка.

Я достал из сумки флягу — медную, с гравированным жёлудем на крышке, — отвинтил пробку, налил в три чистых кубка, которые слуга торопливо подал. Густая красная жидкость, по консистенции напоминающая темный мед, вытекала тонкой струей, мгновенно высвобождая яркий аромат: сочетание крепкого алкоголя, корицы и кисло-сладких нот дополнялось характерным терпким запахом горных трав. Аристократ старой школы не отказывает гостю. Граф Ларс поднял кубок, не задумываясь, и выпил одним глотком. Его лицо мгновенно изменилось. Скулы порозовели. Серые глаза потеплели. Рот, сжатый в тонкую линию, разжался.

— Боги, — выдохнул он. — Что за напиток...

Генри мнётся. Генри смотрит на отца. Генри не хочет пить. Генри боится. Но Генри знает, что отец смотрит. И Генри пьёт. Пьёт неохотно, маленьким глотком, но пьёт. Через секунду его глаза становятся стеклянными. Настойка ударила в голову. Я мысленно считал: три секунды, пять, семь. Семь — и Генри уже не опасен. Семь — и ментальный блок у него размыт. Семь — и я могу, если захочу, прочитать его как открытую книгу. Я не стал. Не было нужды. Я поднял свой кубок, сделал вид, что пью, но не пил. А потом, пока Генри разглядывал свои ногти, а граф Ларс рассказывал о налоге на шерсть, я тихо, без жестов, одной рукой, поднял свой кубок с отравленным вином и вылил его в стоявшую рядом напольную вазу с цветами — белыми розами, видимо, срезанными утром, ещё свежими. Ваза была хрустальная, узкогорлая. Вино потекло по лепесткам, как тёмная кровь. Я продолжал слушать графа Ларса. Минуты через полторы белые розы начали чернеть. Сначала — кончики лепестков. Потом — серединка. Потом — стебель. Через две минуты в вазе стояли чёрные, скрюченные стебли, похожие на обгоревшие спички. Граф Ларс не видел. Генри не видел. Видел только Бор. Бор посмотрел на вазу, потом на меня, и я слегка покачал головой: не сейчас. Бор кивнул и снова стал есть. Обед продолжался ещё час. Граф Ларс, уже заметно подобревший от настойки, говорил о торговле, о делах коллегии, о том, что налог на шерсть в этом году поднимут, и что гильдия ткачей ропщет. Я слушал, кивал, отвечал коротко. Генри молчал, но его глаза стекленели всё больше, и к концу обеда он сидел, уставившись в тарелку, как человек, который потерял счёт винам. Когда подали последний кубок — сладкого токайского — граф Ларс встал. Мы встали тоже.

— Рон Мих, — сказал граф. Голос у него уже не был таким ровным. Настойка сделала его мягче, человечнее, и в нём проступало что-то похожее на усталость. — Можно сказать тебе откровенно?

— Можно, ваше сиятельство.

— Ты, гоблин, не такой, как рассказывал мой сын. Он тебя обговаривает. Он говорит, что ты хитрый, коварный, что ты ударил его исподтишка. Я узнал — нет. Ты не ударил исподтишка. Ты ударил в открытую. И это другое. — Он помолчал. — Но учти. Я не умею ни прощать, ни мстить быстро. Я умею ждать. И если ты перейдёшь дорогу моему дому по-настоящему — я подожду столько, сколько нужно. Двадцать лет. Сорок. Я могу ждать дольше, чем ты живёшь.

— Граф, — ответил я. — Я тоже умею ждать. И я тоже не прощаю. Но я не перейду вам дорогу, если вы не перейдёте мне. Договор?

Он смотрел на меня. Долго. Потом протянул руку. Я пожал. Рука у него была сухая, холодная, как у покойника, но это была честная рука. Генри стоял за его спиной, и я видел, как у него дрожат ноздри. Он не выдержал. Когда мы уже шли к двери, он бросил мне в спину, голосом хриплым от настойки и злости:

— Ты ещё пожалеешь, гоблин.

Я обернулся. Медленно. Не торопясь. Я посмотрел ему в глаза. Секунды три.

— Генри, — сказал я. — Я уже жалею. Что ты оказался настолько предсказуемым.

Генри побагровел. Я отвернулся и вышел. Во дворе нас ждал фургон. Бор и Грилф сели в него молча. Я — на козлы. Тронул поводья. Мерины двинулись. Ворота за нами закрылись. Тракт шёл обратно через лес. Я считал повороты. Семь. На шестом, когда до развилки оставался один, Бор вдруг сказал:

— Мих.

— Да.

— Подожди. Останови.

Я натянул поводья. Мерины остановились. Бор сидел рядом, и его лицо — обычно спокойное, как камень — было бледным.

— Что? — спросил я.

— Я сегодня почувствовал в поместье кое-что. Странное. Не Генри. Не граф. Кто-то третий.

— Где?

— В подвале. Когда мы входили, я краем — краем! — зацепил ауру. Под нами. Под залой.

— Какая аура?

Бор помолчал. Потом сказал, тщательно подбирая слова.

— Серая. Мёртвая. Как у нежити.

Я посмотрел на него.

— Бор, ты уверен?

— Уверен.

Я активировал Обнаружение на расстоянии. Обычно я сканировал в радиусе тридцати шагов. Сейчас вытянул на триста метров. Образ пришёл не сразу. Сначала — лес, деревья, запах прелой листвы. Потом — дорога позади нас. Потом — аура. Бор был прав. В трёхстах метрах позади, в чаще, двигалась серая аура. Не живая. Не мёртвая. Что-то между. Она шла за нами. Тихо. Беззвучно. С той особой, нечеловеческой осторожностью, с которой ходит нежить, которая знает, что её ищут.

— Нежить, — сказал я.

— Я знаю, — ответил Бор.

— Это не Беннет.

— Я знаю.

— Беннет — трус, но он не некромант. Некромантия — смерть для аристократа. Если бы узнали — его бы лишили всего.

— Я знаю.

— Тогда кто?

Бор не ответил. Он не знал. Я не знал тоже. Но я знал одно: нежить, которая идёт за нами в трёхстах метрах от поместья Беннетов, в день, когда меня пригласили на обед-ловушку, — не случайность. Нас вели. Кто-то хотел, чтобы я не вышел из поместья Беннетов. А если бы вышел — чтобы не дошёл до своего.

— Грилф, — крикнул я в кузов. — Меч наготове.

— Уже, — пробасил Грилф.

Я тронул поводья. Мерины пошли быстрее. Я считал секунды. До развилки — пять минут. До того места, где Алекс ждёт с отрядом, — двадцать. Серая аура за нами не ускорялась. Она шла ровно, с тем же нечеловеческим шагом, и я понимал: она знает, что я её вижу. Она не пряталась. Она вела.

— Мих, — сказал Бор. — Она не нападёт. Она ждёт.

— Чего?

— Не знаю. Но она не нападёт, пока мы едем. Она ждёт, когда мы остановимся.

Я кивнул. Я тоже так думал. И я не собирался останавливаться. Мы доехали до развилки. Алекс ждал там, как договорились. Я остановил фургон, спрыгнул, подошёл к нему.

— Алекс. За нами нежить. Триста метров. В лесу.

— Сколько?

— Одна. Но, возможно, не одна. Алекс, возьми своих, обойди лес. Если найдёшь — не убивайте. Плените. Мне нужно знать, кто её послал.

— Понял. У меня есть амулет паралича, полностью заряженный.

Алекс кивнул, поднял руку, и отряд наёмников, нырнули в лес. Я вернулся к фургону. Бор уже сидел с посохом в руках, и посох светился ярче обычного — Бор готовился к бою, и его мана отвечала. Грилф стоял в фургоне, опираясь на рукоять двуручного меча с красным сиянием — трофея с Чёрного острова, — и его клыки блестели в закатном свете.

Я тронул поводья. Фургон пошёл по тракту. Серая аура за нами не двигалась. Она стояла на месте. Ждала. Я не оборачивался. Я знал, что мы ещё встретимся.

Глава 3

Ворота поместья Валериуса открыл Ольгерд. Старик стоял у створки с фонарём в руке, и свет фонаря ложился на его лицо, вырубленное из старого дуба, жёсткими жёлтыми бликами. Ольгерд кивнул, не задавая вопросов о том, как прошёл день. Он был из тех сдержанных ветеранов, чье молчание я ценил выше всего.

— Добрый вечер, хозяин — прозвучал голос Ольгерда.

— Добрый вечер, Ольгерд. Что нового — спросил я.

— Ничего особенного — Ольгерд на мгновение замолчал:

— Почти ничего.

В этот момент из лаборатории донеслось движение.

Я спускался два раза — проверял. Дверь заперта, ключ у меня, лишних следов нет. Но голоса были. Четыре. Я не разобрал слов. И свет был — там, где не должен быть. Жёлтый, тёплый. Я решил не лезть. Ждал вас.

— Ольгерд, ты слышал эти голоса, когда меня не было дома?

— Да, хозяин. Первый раз — около полудня. Второй — под вечер.

Я кивнул. Духи проснулись. Камень души, который я привёз с Чёрного острова, дождался своего часа. Ольгерд это услышал. Хорошо, что не полез.

— Ольгерд, с этого дня никто в лабораторию не входит. Слышишь голоса — жди меня наверху.

— Понял, хозяин.

В прихожей пахло дымом камина и натёртым воском. Дом откликнулся на моё присутствие той волной тепла, на какую я уже привык: сначала — лёгкая ясность в голове, потом — уход усталости, потом — спокойствие. Дом питался маной хозяина, и хозяин был силён. Этого хватало. Я переоделся в рабочую рубашу, повесил на пояс и спустился в лабораторию.

Дверь была заперта. Ольгерд, как и обещал, ключей не давал никому. Я открыл своим, вошёл. Четыре магических шара под потолком зажглись тёплым желтоватым светом, реагируя на присутствие хозяина. Лаборатория была такой же, какой я её оставил утром: рабочий стол из чёрного дерева, алхимические весы с медными чашами, набор стеклянных реторт, гранитная плита, бронзовый котёл на треноге, Лабиринт Валериуса — конструкция из шестнадцати медных трубок, по которым магия стекала из верхнего резервуара в нижний. И в углу стола, на отдельной подставке из чёрного бархата, между двумя медными подсвечниками — Чёрный камень души.

Камень пульсировал. Ровным тёплым светом, медленно, как сердце старого человека, который долго спал и наконец просыпается. Я сел на высокий табурет, положил ладонь на камень.

— Хозяин, — сказали четыре голоса одновременно.

Эрегон — первым. Знакомый, ровный. Эрегон был из тех духов, что говорят, как священник читает молитву — спокойно, без пауз.

Валериус — вторым. Медленно, с тем архаическим тоном, от которого у меня ёкало под ложечкой: старый маг, шестьсот лет проживший духом в стенах собственного дома, говорит так, будто каждое слово он выкатывает перед собой, как колесо телеги.

Третий голос был незнакомый. Тихий, с придыханием, как у человека, который долго не разговаривал и боится сказать лишнее. Фауст.

Четвёртый — тоже незнакомый. Хриплый, сухой, как треск ломаемой ветки. Морриган.

Я подождал секунду. Дал им привыкнуть к моему присутствию в общем ментальном пространстве. Потом сказал:

— Приветствую вас. Меня зовут Мих из Речного. Я — новый хозяин этого дома и хозяин Чёрного камня души, в котором вы теперь живёте. Прежде чем мы перейдём к делу, я хочу, чтобы каждый из вас назвался и принёс клятву подчинения. Эрегон, ты уже клялся — но повтори для остальных. Так надо.

Эрегон ответил первым. Без паузы.

— Эрегон, бывший маг-наставник гильдии наёмников. Принесён в камень по собственной воле. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Валериус ответил вторым. Голос его стал тише, как у человека, который произносит клятву не впервые.

— Архимаг Валериус, основатель этого дома и хозяин поместья при жизни. Принесён в камень по собственной воле. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Третий — Фауст.

— Фауст, ученик архимага Валериуса, третий круг общей магии. Принесён в камень по воле учителя. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Четвёртый — Морриган.

— Морриган, ученица архимага Валериуса, второй круг тёмной магии. Принесена в камень по воле учителя. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Я подождал, пока клятва отзвучит. По камню прошла волна — магическая печать скрепила слова, и теперь нарушить её значило умереть в камне окончательно.

— Хорошо. Теперь — к делу. Валериус, рассказывай. Что ты знаешь об этом доме, чего не знаю я?

Валериус помолчал. Вероятно, он всё ещё привыкал к самой возможности говорить — пусть лишь мысленно, но после двухсот лет вынужденного молчания даже это казалось чудом.

— Хозяин, я провёл в этом доме двести лет. Наблюдал, как сменялись владельцы. Семь семей. Четыре безумца. Три самоубийцы. Один — твой предшественник по духу, тоже алхимик, но без твоего везения. Он умер, потому что не знал того, что знаю я.

— Научишь?

— Научу. Но чудес не бывает. Я слишком много раз видел, как люди путают незнание с чудом. Так что будем делать по правилам — и по уму.

Я мысленно усмехнулся. Валериус был циником шестьсот лет назад. И остался им.

— Дом живой, хозяин. Он построен над магическим источником. Стены накапливают ману. Любой хозяин-маг бессознательно питает дом; дом в ответ даёт защиту и покой. Ты это уже чувствуешь — я вижу. Ты сильнее всех, кто жил здесь до тебя. Но будь осторожен. Если хозяин слаб — дом высасывает его досуха. Потому и семь семей сменилось за двести лет. Ты — восьмой. И первый, кто не безумен.

— Откуда ты знаешь, что я не безумен?

— Безумец, хозяин, не спрашивает «откуда ты знаешь». Безумец — верит.

— Хорошо. Что ещё?

Валериус помолчал. Я слышал, как в ментальном пространстве Фауст и Морриган переглянулись — не глазами, конечно, а как-то иначе, но я это почувствовал.

— Под лабораторией есть второй подземный уровень. Туда ты ещё не спускался.

— Знаю. Я чувствовал.

— Там — алтарь мага. И... что-то ещё.

— Что именно?

Пауза. Долгая. Достаточно долгая, чтобы я понял: архимаг решает, говорить или нет. Решал он, видимо, давно — потому что ответил ровно и без запинки, как человек, который давно подготовил фразу.

— Хозяин, я покажу, когда ты будешь готов. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что ты ещё не знаешь дом. Потому что ты не знаешь меня. Потому что, если ты спустишься сегодня, ты не поймёшь того, что увидишь. А я не хочу, чтобы ты не понял. Я ждал двести лет. Подожду ещё один день.

Я мысленно кивнул. Валериус был прав.

— Хорошо. Что ещё?

Валериус рассказал. О источнике под фундаментом — он бил из трещины в скале, и мана по нему текла, как вода по трубе. О стенах — каждый камень был обработан заклинанием накопления: стена брала ману из источника и держала её, как губка воду. О башенке в северо-восточном углу — там было самое плотное место, и Лабиринт Валериуса работал на местной мане, без заряженных кристаллов. О семи семьях — все они были магами, но ни один не был алхимиком; все они пытались использовать дом как крепость, и у них ничего не вышло, потому что дом — не крепость, дом — сожитель. Дом берёт и даёт. И если берёт больше, чем даёт — хозяин умирает.

Утро принесло гостью. Я завтракал в малой столовой — хлеб, сыр, холодная баранина — когда Ольгерд постучал в дверь.

— Хозяин, там у ворот гномка. Говорит, что пришла с вестью. Без оружия. Без поклажи. Хочет говорить с хозяином лично.

— Веди сюда.

Через минуту Ольгерд ввёл её в столовую. Молодая гномка, лет тридцати. Рыжие волосы в тугих косах. Крепкая, коренастая, с широкими ладонями мастера-механика. Я встал.

— Садись. Завтракаешь?

— Нет, хозяин. Я не голодна.

— Ольгерд, принеси хлеба, сыра, чаю.

Ольгерд кивнул и вышел. Гномка села на край стула, как садятся люди, которые не знают, долго ли им здесь быть. Я смотрел на неё и молчал. Я умел молчать дольше, чем большинство. Ольгерд принёс чай, хлеб, сыр. Гномка выпила чашку одним духом. Я подвинул к ней тарелку.

— Ешь. Потом расскажешь.

Она ела быстро, машинально, думая о чём-то своём. Я подождал, пока она доест. Потом сказал:

— Имя.

— Брунгильда. Мастер-механик гильдии гномов Андовилля.

— Зачем пришла?

Брунгильда посмотрела на меня. Глаза у неё были серые, тяжёлые, и в них была та смесь страха и решимости, которая бывает у разумных, которые приняли решение и теперь не знают, как к нему относиться.

— Мих, я принесла тебе весть. Гильдия готовит патентный иск.

— На что?

— На рессоры. На осветлитель вина. На дубликатор. Якобы нарушают древние гномьи привилегии.

— Кто готовит?

— Мастер Гнорр. Глава гильдии. Он нанял адвоката из города Кельна, специалиста по магическим патентам. Иск будет подан через две седмицы.

Я помолчал. Патентный иск. Я этого ждал. С тех пор как мои рессоры пошли в обиход, гильдия механиков поднимала вой. Я думал, они начнут воровать. Они начали жаловаться.

Это было хуже — закон в Андовилле работал, и формальный иск мог отнять у меня право производить.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела твои чертежи. На стене у мастера Гнорра. Все. С обозначениями, с расчётами.

Полные.

— Как они к нему попали?

— Через Долса. Столяра. Он подкуплен. Он работал в твоём поселении — три седмицы назад, делал тебе фургон. Он снял копии с чертежей, которые ты держал в рабочей комнате.

Я мысленно выругался. Я помнил Долса, что дал ему задание запатентовать мои изобретения, и он это сделал. Так что же произошло на самом деле?

— Почему ты рассказываешь мне это?

— Потому что не хочу участвовать в подлости. Гнорр — мой мастер. Я была его ученицей семь лет. Я думала, что он честный. Он не честный.

— Что ты умеешь?

— Я проектирую механизмы. Мастер. И я единственная в гильдии, кто понимает принцип работы твоих рессор.

Я посмотрел на неё. Потом достал из поясного кошелька десять золотых и положил на стол.

— Брунгильда. Ты принесла мне вест. Это стоит десять золотых. Бери.

Она не шевельнулась.

— Но, если ты останешься — буду платить больше.

— Сколько?

— Пять золотых в седмицу. Кров. Стол. Мастерская. И работа — на меня.

— На каких условиях?

— На моих. Ты проектируешь механизмы по моим заданиям. Все чертежи — мои. Все изобретения — мои. Если ты захочешь сделать что-то для себя — ты придёшь ко мне, и мы договоримся. Никакой работы на сторону. Никакой передачи информации. Особенно — Гнорру.

— А если Гнорр пришлёт за мной?

— Тогда ты скажешь мне. И я решу, что делать с тем, кого он пришлёт.

Брунгильда помолчала. Потом кивнула.

— Беру.

— Хорошо. Ольгерд, — крикнул я. — Покажи Брунгильде комнату на втором этаже. Дай ей всё, что нужно.

Ольгерд кивнул и повёл её наверх. Я остался в столовой один. Патентный иск. Гнорр. Долс. Брунгильда, которая понимает принцип рессор лучше всех в гильдии. Я ей не верил. Но я ей дал шанс.

Вечером я спустился в лабораторию. Бор и Грилф были уже в курсе — я рассказал им за ужином. Бор молча кивнул. Грилф спросил:

— Мих, а если там чудовище?

— Тогда я буду рад, что у меня есть ты с твоим мечом.

— Я не смогу пролезть в узкую лестницу.

— Тогда ты постоишь наверху. Если я закричу — разбиваешь потолок.

— Это я могу.

Я подошёл к камню.

— Валериус.

— Слушаю, хозяин.

— Я готов.

— Подойди к шкафу. Увидишь серый камень нажми — откроется люк.

Я подошёл к шкафу у дальней стены лаборатории. Едва я нажал на серый камень, выпирающий из стены, как с тихим скрежетом открылся люк — квадратный, ровно метр на метр. Каменная крышка плавно отъехала в сторону, обнажив тёмный провал. Внизу виднелась узкая винтовая лестница, терявшаяся во мраке.

Лестница была каменная. Ступени — серый песчаник, потёртый посередине — сотни ног за двести лет, не иначе. Стены — покрыты рунами. Я активировал перстень-классификатор. Руны засветились — слабо, синеватым. «Защита от вторжения». «Запрет на проход без дозволения хозяина». «Сигнальная сеть». «Защита от нежити». «Запрет на вынос артефактов». Я запоминал. Абсолютная память запоминала каждую руну, словно выжженную в сознании. Я считал — сорок семь ступеней. Спираль делала три полных оборота. Стены сужались. Воздух становился холоднее, суше. Пахло камнем, старой магией, и чем-то ещё, чему я не мог дать названия. Лестница кончилась. Передо мной была круглая комната.

Комната была невелика — метров шесть в диаметре. Стены — из тёмного обсидиана, гладкого, как зеркало, и холодного на вид. В центре — алтарь. Чёрный, как остальная комната, отдельно стоящий, высотой по пояс, с плоской верхней плитой. В центре плиты — углубление, величиной с ладонь. В углублении лежал предмет.

Я подошёл ближе. Предмет был похож на обломок зеркала. Размер — с ладонь. Форма — неправильная, как будто от большого зеркала откололи кусок. Края — острые, с той особой, маслянисто-радужным блеском, который я видел только однажды — на стали клинка адепта в логове Лича. Я активировал перстень-классификатор.

Надпись пришла не сразу. Сначала перстень нагрелся — сильно, до боли. Потом в истинном знании проступил текст:

«Осколок портала демиургов. Фрагмент 2 из 3. Активация — мана трёх больших накопителей. Назначение — межмировой переход. Статус — повреждён, требует восстановления.»

У меня похолодело внутри. Три осколка. Три портала. Я стоял над одним из них. В собственном доме. В собственной лаборатории. Внизу, под Лабиринтом Валериуса, под рабочим столом, под стеллажами с фиалами.

— Валериус, — сказал я мысленно.

— Слушаю, хозяин.

— Ты знал?

— Да.

— Почему не сказал?

— Потому что ты должен был увидеть сам. Я мог рассказать. Но слово «осколок портала» — это одно. А вид собственного алтаря с осколком в нём — это другое. Ты — алхимик. Ты знаешь, что такое зрительное доказательство.

Я мысленно кивнул.

— Рассказывай. Что это. Откуда. И что с ним делать.

— Их три, хозяин. Один — здесь. Второй — на Чёрном острове. Ты его уже видел, но не знал, что это. Третий — в Восторне. Секта знает обо всех трёх. Они хотят открыть их одновременно и впустить Фасета. Я не знаю когда. Но знаю, что они уже близко.

Я стоял у алтаря. Я смотрел на осколок. Я думал.

Три осколка. Три портала. Три точки, где наш мир тонок, как бумага. И я стою над одним из них, в собственном доме, в собственной лаборатории. И мне вдруг становится понятно, почему Валериус исчез двести лет назад. Он тоже нашёл осколок. И осколок нашёл его. И Валериус — который был архимагом, который знал больше, чем я узнаю за всю свою жизнь — не смог закрыть портал. Он смог только спрятать его. Спрятать в собственном доме, под Лабиринтом, за рунами защиты. И ждать. Двести лет. Дождаться меня. Гоблина-алхимика, который пришёл из другого мира.

— Валериус.

— Да, хозяин.

— Если они откроют все три?

— Конец, хозяин. Не смерть. Хуже. Поглощение. Фасет — бог-насекомое из иного мира. Он не убивает. Он включает. Все живые существа станут его частью. Не рабами — частью. Ты будешь жить. И ты будешь Фасетом. И ты не будешь собой.

— А если мы успеем закрыть один?

— Шанс. Маленький. Но — шанс. Если закрыть один — два других не сработают одновременно. Система демиургов строилась так: три портала — три точки треугольника — треугольник держит равновесие. Убери одну точку — треугольник разваливается. Секта знает это. Поэтому они будут защищать все три.

Я мысленно кивнул. Я знал, что делать. Закрыть один. Закрыть тот, что у меня под ногами. Самый близкий. Самый доступный. Самый опасный — потому что он в моём доме.

— Валериус.

— Да, хозяин.

— Как закрыть?

— Не сейчас, хозяин. Ты не готов. Сначала — пойми дом. Потом — пойми осколок. Потом — пойми, что нужно, чтобы закрыть. Я научу. Но это не одна ночь. Это месяцы.

— У нас нет месяцев.

— Тогда торопись. Но не торопи меня. Я говорю так быстро, как могу.

Я кивнул, поднялся по лестнице — сорок семь ступеней, три оборота, руны тускло светились в темноте. Я вышел в лабораторию. Закрыл люк.

Я сел на табурет. Достал из магической сумки флягу с водой. Выпил. Руки немного дрожали. Не от страха. От холода подземелья.

Я уже хотел подняться наверх, как в лабораторию ворвался Ольгерд. Лицо у него было бледнее обычного.

— Хозяин!

— Что?

— Один из наёмников Алекса. Эрик. Тот, что с рыжей бородой. Он... он пытался ночью спуститься сюда.

— Куда — сюда?

— В лабораторию. Я услышал шаги. Спустился. Он уже был у двери. Возился с замком. Я его окликнул. Он обернулся и говорит — «Я заблудился. Ищу кухню».

— Кухня на другом этаже, Ольгерд.

— Я ему так и сказал.

— Что он?

— Ничего. Развернулся и ушёл. Но, хозяин...

— Что?

Ольгерд достал из-за пазухи тонкий пергаментный свиток. Протянул мне. На свитке была печать. Сине-чёрная, с тиснёным изображением. Змея, обвившая древо.

Герб Беннетов — на письме и на воротах поместья — был знаком мне. Но сине-чёрная печать со змеей и деревом была не Беннетов. Это была печать секты Тёмных спящих. Я видел её в памяти убитого адепта, на Чёрном острове. На перстне у того, кого я убил первым.

— Ольгерд, — сказал я. — Где ты нашёл свиток?

— У Эрика в сапоге. Я его вырубил, когда он полез к двери. Обыскал — на всякий случай. В правом сапоге, за голенищем.

— Где Эрик сейчас?

— В подвале у кузни. Связанный. Грилф караулит.

— Хорошо. Ольгерд, ты сделал правильно. Иди. Скажи Грилфу — пусть не трогает Эрика. Я приду через четверть часа.

Ольгерд ушёл. Я остался в лаборатории один. Я смотрел на свиток. На сине-чёрную печать. На змею, обвившую древо. Секта. В моём доме. В отряде Алекса. Эрик — рыжебородый наёмник, который ездил за нами следом, который караулил нас у поместья Беннетов. Он был одним из тех, кого я нанял. Кому я доверял. И он — адепт Фасета. И он, может быть, знал о серой ауре в лесу. И он, может быть, ждал сигнала, чтобы открыть дверь, которую не должна открывать нежить.

Я встал. Положил свиток в магическую сумку. Вышел из лаборатории. Поднялся по лестнице. Прошёл через двор. У кузни горел факел, и при свете факела Грилф — огромный, спокойный, с двуручным мечом на плече — стоял у двери подвала, как каменный страж.

— Грилф.

— Мих.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет. Молчит.

— Хорошо. Я зайду.

— Мих, — сказал Грилф. — Я могу с тобой?

— Можно. Но не убивай. Сначала — поговорим.

— Ладно.

Я открыл дверь. Спустился в подвал. Эрик сидел у дальней стены, связанный по рукам и ногам. Рыжая борода всклокочена, глаза — злые, но не испуганные. Адепты Фасета не боятся.

Я сел на табурет напротив. Грилф встал у двери, как скала.

— Эрик, поговорим?

Эрик усмехнулся. Так усмеваются люди, которые знают, что их всё равно убьют, и хотят умереть, не сказав ни слова. Я посмотрел на него. Потом на Грилфа. И я понял: разговор будет долгий.

Глава 4

Магическая академия стояла к северу от торговой площади, за рядом каменных лавок, в которых торговали медью, оловом и тканями. Я шёл по улице, вдоль которой возвышались каменные трёхэтажные дома, крыши с острыми шпилями, узкие окна со стрельчатыми арками, башенки, украшенные горгульями. Я шёл по брусчатке, считая шаги от торговой площади. Тысяча двести тридцать. Бор шёл справа, его посох из морёного дуба тускло светился голубым, и трое студентов, идущих нам навстречу, посторонились. Грилф шёл слева, в своём парадном камзоле цвета бордо, с двуручным мечом, перетянутым полотном, за спиной. Он выглядел как наёмник на свадьбе, и студенты на него косились. Я мысленно усмехался. Грилф нравился людям именно тем, что не хотел нравиться.

У ворот академии стоял магический барьер — тонкая, едва заметная плёнка синеватого света. Барьер не пропускал никого без амулета-пропуска. Я, как королевский алхимик, прошёл свободно — титул и медальон, выданный королевской канцелярией, был моим пропуском. Бор и Грилф вошли за мной по моему жесту — я активировал амулет, который Гринфолл выдал мне ещё вчера вечером. Стража у ворот — два мага-привратника в мантиях тёмно-синего цвета — не шевельнулась. Они узнали меня по эмблеме на дублете: серебряная колба с короной — герб королевского алхимика.

В академии нас встретил мастер Гринфолл. Он ждал у входа в ректорат — низкое здание из серого камня, с резным порталом, на котором были высечены семь магических символов. Гринфолл был всё таким же шумным — голос у него гремел, как котёл с кипящей смолой. Он обнял меня, хлопнул Бора по плечу, опасался жать руку Грилфу — помнил клыкастую улыбку. Грилф не улыбался. Он знал, что нельзя.

— Мих! — Гринфолл хлопнул меня по спине. — Наконец-то. Я уж думал, ты передумал.

— Мастер Гринфолл. Я не передумал.

— Я вижу. Бор, ты выглядишь лучше, чем в последний раз. Грилф... — он помедлил, подбирая слово. — Ты выглядишь так же.

— Спасибо, мастер, — пробасил Грилф. — Я стараюсь.

Гринфолл повёл нас в ректорат. По дороге он наклонился к моему уху и зашептал — голосом, который не был уже таким шумным:

— Мих, у нас в академии проблема. Кто-то из преподавателей — спящий адепт Фасета. Я не знаю кто. За последний год трое студентов исчезли. Все — с факультета тёмной магии. Все — после лекций одного и того же преподавателя. Я не могу доказать. Помогите.

Я не ответил сразу. Я шёл и считал. Трое студентов за год. Один преподаватель. Факультет тёмной магии.

— Мастер, — сказал я. — Я посмотрю. Но мне нужна свобода действий.

— У тебя всё будет. Что нужно?

— Доступ к подвалам академии. К спискам студентов тёмного факультета. К расписанию лекций этого преподавателя.

— Всё будет. Я поговорю с ректором.

— Мастер, не надо с ректором. Ректор — лишний.

Гринфолл помолчал. Потом кивнул. Он понял.

Мы прошли в ректорат. Я подписал документы — вступительные для Бора на боевой факультет, разрешение на «вольнотрушателя» для Грилфа на факультет кузнечного дела, который я заранее обсудил с Гринфоллом. Бор шёл на боевой, потому что был боевым магом и хотел усовершенствовать свой дар. Грилф шёл вольнотрушателем, потому что был кузнецом

и хотел перенять у мастеров академии техникуковки магического оружия. Я шёл в коллегия не учиться. Я шёл искать.

После ректората я оставил Бора и Грилфа и дал им задание внимательно наблюдать за происходящим. Бора я назначил старшим, а Грилфу рекомендовал при знакомствах сохранять сдержанность, избегать своих очаровательных улыбок и по возможности вести себя максимально скромно.

Я поднялся на второй этаж, в крыло, где жил Гринфолл. Мастер проводил меня в свой кабинет — тесный, заставленный книгами и свитками, с камином, в котором тлели берёзовые поленья. Я сел в кресло у камина. Гринфолл налил мне вина — кислого, местного, из виноградников к югу от Андовилля.

— Мих, — сказал Гринфолл. — Расскажи мне о Фасете подробнее. Ты видел его. Я — нет.

Я рассказал. О Чёрном острове. О Высшем Личе. О памяти адепта, которую я вытянул из головы убитого. О пирамидах. О Полях боли. О тени Фасета, нависшей над пирамидами, с фасеточными глазами, в которых что-то щёлкало, как смыкающиеся жвалы. Я говорил двадцать минут. Гринфолл слушал молча. Когда я закончил, он молчал ещё минуту. Потом сказал:

— Я искал порталы год. Я не знал, что они — осколки демиургов. Я думал — природные аномалии. Теперь я понимаю. Секта хочет их открыть.

— Три осколка, мастер. Один — у меня в поместье. Второй — на Чёрном острове. Третий — в Восторне. Секта знает обо всех трёх. Им нужно открыть все три одновременно. Если они откроют — Фасет войдёт в наш мир. Если мы успеем закрыть один — два других не сработают.

Гринфолл побледнел. Он не был трусом — он был магом, мастером, видевшим за свою жизнь больше, чем большинство его коллег магов. Но перспектива бога-насекомого из иного мира, входящего в Торр, была достаточно сильным аргументом, чтобы побледнел и хуман посильнее.

— Мих, — сказал он. — Сколько у нас времени?

— Не знаю, мастер. Может, месяц. Может, седмица. Может, уже сегодня.

— Тогда что ты будешь делать?

— Искать шпиона в твоей академии. У тебя трое студентов пропали. Тёмный факультет. Один преподаватель. Я найду его.

Я вышел от Гринфолла и пошёл искать Лириэль. Она жила в общежитии для студентов тёмного факультета — отдельное здание в дальнем углу академии, чёрное, с узкими окнами и черепичной крышей. Я нашёл её в общей комнате — она сидела у окна, в которое не попадал свет, и читала толстую книгу в чёрном переплёте над книгой висел магический фонарь. Лириэль была бледнее, чем обычно. Под глазами — тёмные провалы. Волосы — заплетены в тугую косу, но коса была растрёпана. Я сел напротив.

— Лириэль.

— Мих. — Она подняла голову. — Ты пришёл.

— Я пришёл. Рассказывай.

Лириэль помолчала. Потом закрыла книгу и положила ладони на обложку.

— Мих, Селестия — моя единственная подруга здесь. Её нет три дня. Я видела подземелье. Алтарь. Фигуру в капюшоне. Я не могу просто сидеть и ждать.

— Подробности.

— Селестия — солнечная эльфийка. Мы вместе с первым днем. Три дня назад она пошла на лекцию к мастеру Торену — он ведёт «Введение в тёмные ритуалы». После лекции она не вернулась. Я искала. Никто не видел. На следующий день я попробовала тёмную магию — вызвала образ её ауры. И увидела.

— Что?

— Подземелье. Каменный алтарь. Чёрная поверхность, как обсидиан. На алтаре — фигура в капюшоне. Лицо не видно. Но аура — Селестии. Я почувствовала.

— Ты уверена?

— Я уверена. Я видела её ауру.

Я помолчал. Солнечная эльфийка на тёмном факультете. Странно. Солнечные эльфы обычно не идут в тёмную магию. Но Селестия пошла — и пропала. И Лириэль видела её в видении, в подземелье, у алтаря. Я активировал перстень-классификатор и просканировал Лириэль. Аура была серая, как пепел, но это была её собственная серость — серость тёмного мага, который работает с тёмными ритуалами. Это было нормально. Это не была серость нежити. Я мысленно выдохнул.

— Лириэль. Веди меня в подвалы. Туда, где ты видела алтарь.

— Мих, это опасно.

— Я знаю. Веди.

Она встала. Мы вышли из общежития и пошли через двор к главному зданию академии. Подвалы тёмного факультета были под главным зданием — узкая лестница, вырубленная в камне, с чугунными перилами, холодными на ощупь. Я активировал Обнаружение, расширив радиус до ста метров. Лестница шла вниз на тридцать ступеней. Потом — коридор, вымощенный тёмной плиткой, с нишами в стенах, в которых когда-то стояли факелы, а теперь — магические шары, мерцающие тусклым фиолетовым светом. Запах был — старый камень, плесень, и под ними — что-то кислое, едкое, что я уже чуял в поместье Беннетов. Запах тёмного ритуала. Лириэль шла впереди. Я — за ней. Я считал ниши. Двенадцать. В тринадцатой — поворот. Коридор раздваивался. Лириэль остановилась.

— Направо, — сказала она. — Там.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела.

Я кивнул. Мы свернули направо. Коридор стал уже. Потолок — ниже. Я шёл и слегка пригибался. Лириэль, эльфийка, шла свободно — она была немного ниже меня. Через двадцать шагов коридор вышел в небольшую аудиторию — круглая, с каменными скамьями по стенам, с кафедрой в центре. Я остановился у входа и активировал Обнаружение на полную мощность. Аура — слабая, остаточная, но отчётливая. Тёмный ритуал. Недавний. Может, сутки назад. Может, двое. Я вошёл в аудиторию. На полу, перед кафедрой, был круг — едва заметный, нарисованный чем-то тёмно-красным, почти чёрным. Кровь. Я присел на корточки. Кровь была не свежая, но и не засохшая — она была как патока, густая, тёмная, с тем особым маслянистым отливом, какой я видел уже дважды — на осколке портала демиургов и на стали клинка адепта. Я активировал перстень-классификатор. Перстень нагрелся, но надписи не дал — кровь была чужая, не из этого мира. Я достал из сумки Хранителя — кинжал с узким прозрачным лезвием — и положил его остриём на край круга.

— Хранитель, — сказал я мысленно. — Определи.

Кинжал ответил не сразу. Сначала по лезвию прошла волна — короткая, холодная. Потом в моей голове проступил голос:

— Хозяин, это кровь демона нижнего предела. Малого, но настоящего. Кто-то вызывал его сюда. И не одного.

— Сколько?

— Минимум двое, хозяин. Может, трое.

Я встал. Демон нижнего предела — малый, но настоящий. Двое, может, трое. Кого-то вызывали в этой аудитории. Сутки назад. Может, двое. И Селестия пропала три дня назад. Я посмотрел на Лириэль.

— Лириэль, ты была здесь после исчезновения Селестии?

— Нет. Я не спускалась. Я боялась.

— Правильно сделала. Здесь, в этом круге, призывали демона. Двух. Может, троих. Если бы ты спустилась одна — могла бы не выйти.

Лириэль побледнела ещё больше. Я мысленно положил ей руку на плечо — жест, который у нас, в моём прошлом мире, означал «я рядом». Здесь эльфы не любили прикосновений, и я не решился. Но я сказал:

— Лириэль. Ты не виновата. Селестия сама пошла. И то, что ты видела, — это не твоё видение. Это её крик.

Я не знал, правда ли это. Но эльфийке нужно было это услышать. Она кивнула. Мы вышли из подвалов.

Вечером, когда я уже собирался уходить из академии, в общежитии поднялся крик. Я бежал через двор на крик, считая шаги — тридцать два до входа в общежитие, потом два лестничных пролёта, потом длинный коридор. В комнате на втором этаже, у окна, лежал молодой хуман. Студент. Я присел рядом. Он был мёртв. Лицо — серое, как пепел. Тело — неподвижное. Но главное было не это. Главное было в коже. Всё его тело, от шеи до щиколоток, было покрыто тонкими чёрными линиями, как будто кто-то провёл по нему сетью тончайших чёрных жил. Линии шли под кожей, как вены, но чёрные, как уголь. Я активировал перстень-классификатор. Надпись пришла быстро — быстрее, чем обычно:

«Магическое истощение. Причина — ритуал Фасета. Манна выкачана через кожу. Студент мёртв минимум шесть часов.»

Я встал. Я уже видел этот ритуал. В памяти адепта, на Чёрном острове. Секта не просто шпионит в академии — они проводят ритуалы. Они накапливают манну. Для портала. Я поднялся к Гринфоллу. Мастер ждал меня в своём кабинете у камина, держа в руке кубок с вином, так и оставшимся нетронутым. Я сел в кресло напротив и сказал:

— Мастер, у вас второй мёртвый. Студент-хуман с факультета бытовой магии. Магическое истощение. Ритуал Фасета.

Гринфолл побледнел. Снова. Я уже видел, как он бледнеет за сегодня два раза. Это было плохо. Маг, который бледнеет два раза за день, — это маг, который на грани.

— Мих. Если об этом узнает ректор — коллегия закроют. А если не узнает — секта откроет портал в подвале.

Я посмотрел на него.

— Мастер. Или мы найдём шпиона за седмицу, выставив шпиона на всеобщее обозрение или коллегия закроют. Третьего не дано.

Гринфолл помолчал. Долго. Потом кивнул.

— У тебя есть седмица. И моя помощь.

— Хорошо. С завтрашнего дня я буду в академии каждый день. Бор будет на боевом факультете — у него глаза и уши. Грилф — на кузнечном, у него тоже будет задание. Я — в подвалах. С Лириэль.

— Лириэль — тёмный маг, Мих.

— Я знаю, мастер. Поэтому она и нужна. Без тёмного мага мы не увидим тёмные ритуалы. Без тёмного мага мы слепы.

Гринфолл кивнул. Я вышел. В коридоре меня ждала Лириэль. Она слышала — эльфийский слух улавливал разговоры через каменные стены.

— Мих, — сказала она. — Научи меня защищаться.

— Чему?

— Ментальной защите. Я не умею. Без этого я не выживу.

Я посмотрел на неё. Лириэль была права. Тёмный маг без ментальной защиты — это открытая дверь для любого, кто захочет в неё войти. Я кивнул.

— Хорошо. Но условие.

— Какое?

— Тёмную магию ты продолжишь изучать. Без неё мы не найдём шпиона. Твоя тьма — наш единственный детектор.

Лириэль помолчала. Потом кивнула.

— Я согласна.

В этот момент из-за угла вышел лэр Адимус — маг жизни, племянник герцога Эвенвуда, личный лекарь короля. Я не удивился. Адимус жил в академии последние две седмицы, восстанавливаясь после ранения, которое он получил в стычке с наёмниками Золотой Рыси. Он слышал наш разговор — я видел это по его лицу.

— Мих, — сказал Адимус. Голос у него был ровный, но в нём звенела та особая нотка, которая бывает у людей, которые хотят сказать «нет», но не решаются. — Ты поощряешь её тёмную магию?

— Лэр Адимус, — ответил я. — Я поощряю её выживание. Тьма — не зло. Зло — это секта, которая пьёт ману из студентов. А Лириэль — наш единственный шанс их найти. И она справится.

Адимус помолчал. Я видел, как он сжимает челюсти. Он не согласен. Но он не мог возразить. Он был магом жизни, я — королевским алхимиком. Он был племянником герцога, я — человеком короля. Силы были не равны.

— Хорошо, Мих, — сказал он наконец. — Но я буду рядом.

— Будь, — ответил я. — Чем больше глаз, тем лучше.

Адимус ушёл. Лириэль посмотрела мне вслед.

— Мих, — сказала она. — Он не понимает.

— Я знаю. Но он должен быть рядом. Когда придёт время — поймёт.

Я вышел из здания академии уже в сумерках. Небо над Андовиллем было медно-лиловым, с тонкими облаками, похожими на разорванный шёлк. Я шёл через торговую площадь, мимо лавок, в которых зажигались первые масляные фонари, мимо патруля городской стражи, который отдал мне честь — королевский алхимик, как-никак. Я шёл и думал. Академия — тот же синдикат. Те же интриги, те же утечки, те же шпионы в отделе. Только здесь вместо хакерских атак — кровавые круги призыва, а вместо уволенного за воровство сотрудника — мёртвый студент с выпитой маной. Методы не меняются: найти шпиона, выставить напоказ, прикрыть себя. Я это уже делал. На Земле. В другой жизни. И я знал, что иногда шпион находит тебя первым.

В поместье я вернулся поздно. Ольгерд открыл ворота, доложил, что за день без происшествий. Брунгильда, моя новая гномиха-инженер, уже спала в своей комнате. Бор и Грилф ушли в комнаты — утомились после первого дня в академии. Я поднялся в лабораторию. Чёрный камень души мерцал ровным тёплым светом. Я положил ладонь на камень.

— Эрегон, — сказал я мысленно.

— Слушаю, хозяин.

— Академия. Тёмный факультет. Преподаватель по имени Торен — «Введение в тёмные ритуалы». Что ты о нём знаешь?

— Хозяин, я не знаю Торена. Но я знаю тип. Тёмный маг, который ведёт «Введение в тёмные ритуалы», — это маг, который имеет доступ к студентам-новичкам. И который может отбирать. Кого отбирать — зависит от цели. Секте нужны adeпты. Адепты — это молодые маги, готовые пойти в тьму. Торен, если он адепт Фасета, отбирает. Трое пропавших — это его выбор.

— Он убил их?

— Не обязательно. Может, обратил. Может, использовал для ритуала. Может, отправил в другое место. Я не знаю. Но он — ключ.

Я мысленно кивнул. Эрегон был прав. Торен был ключом. Но я не мог прийти к нему и сказать: «Ты — адепт Фасета». Он бы отрицал. Секта умеет отрицать. Мне нужны были

доказательства. И мне нужно было увидеть его ауру. У адептов Фасета — особая аура. Серая, как пепел. Та самая, что Бор чувствовал в подвале поместья Беннетов. Если у Торена такая же — я его вычислю. Если нет — буду искать другого. Но я чувствовал, что Торен — он. Слишком удобно. Тёмный факультет. Пропавшие студенты. Один преподаватель. Секта не была умной. Секта была методичной. А методичность — это узор. И узор я читать умел.

Я спустился в подвал поместья — во второй уровень, к обсидиановому алтарю. Осколок портала демиургов лежал в углублении, как и вчера. Я сел на холодный камень. Осколок был тёплый. Теплее, чем вчера. Я не знал, хорошо это или плохо. Я знал только одно: время — против нас. И я должен был действовать быстрее секты. А секта уже начала действовать.

Вернувшись наверх, я написал три письма. Первое — лэру Азарду, о встрече по кровной жалобе Золотой Рыси. Второе — герцогу Эвенвуду, об усилении охраны поместья. Третье — мастеру Гринфоллу, с просьбой прислать расписание лекций мастера Торена. Я запечатал письма своей печатью — серебряная колба с короной — и положил на стол в прихожей, чтобы Ольгерд утром отправил их с гонцом. Потом поднялся в спальню, разделся, лёг. Сон не шёл. Я лежал и думал о Селестии. О солнечной эльфийке, которая пошла на тёмный факультет и пропала. О втором студенте, с чёрными линиями под кожей. О Торене, которого я ещё не видел, но уже знал. Узоры. Узоры. Узоры.

Где-то далеко, в глубине дома, пробили каменные часы — бой отмечал полночь. Я закрыл глаза. Сон не шёл.

Я встал, накинул плащ, вышел в общий зал академии. Зал был пуст. Каменные скамьи, длинный стол, на котором стояли пустые кубки и нетронутый кувшин с вином. У дальней стены горел камин — берёзовые поленья тлели медленно, давая тёплый рыжий свет. Находясь у камина в круге теплого света, я расположился в кресле и протянул руки к пламени, однако ощущение холода никуда не исчезло. Это ощущение не было вызвано внешней средой; оно исходило изнутри, став следствием полученных мною знаний.

Шаги я услышал раньше, чем увидел. Тихие, ровные. Из тёмного коридора, что вёл в крыло преподавателей, вышла фигура. Пожилой хуман в чёрной мантии, с тонким интеллигентным лицом — высоким лбом, глубоко посаженными тёмными глазами, седыми висками. Он шёл медленно, как человек, который знает, что его ждут, и не торопится.

— Добрый вечер, королевский алхимик. — Голос у него был тихий, ровный, с той особой мягкостью, какую я слышал только у магов, которые давно привыкли говорить с теми, кого боятся. — Меня зовут мастер Торен. Факультет тёмной магии. Я слышал, вы интересуетесь моими студентами.

Я не пошевелился. Я смотрел на него и активировал перстень-классификатор — тихо, без жестов, одной мыслью. Перстень нагрелся. Я ждал.

Аура пришла не сразу. Сначала — обычный рисунок мастера тёмной магии: серое облако, тёмные пятна, характерные для тех, кто работает с ритуалами. Это было нормально. Но под этим обычным рисунком — глубже, как второй слой кожи — шло другое. Серое. Пепельное. Мёртвое. Та же серая, что Бор чувствовал в подвале поместья Беннетов. Серая аура секты. Серая аура адепта Фасета.

Я не пошевелился. Я смотрел на Торена и держал ладони у огня. Огонь потрескивал. Тени от поленьев ложились на каменный пол, как чёрные пальцы. Шпион секты в Магической академии стоял в трёх шагах от меня и улыбался — мягко, как улыбаются людям, которых собираются убить.

— Добрый вечер, мастер Торен, — сказал я. — Я вас слушаю.

Глава 5

Зал королевского совета находился в восточном крыле дворца, за часовней Сангрея и за длинной галереей портретов, в которой были изображены все Болианты от самого первого, Жестокого Серпа, до Ингуса, нынешнего. Я шёл по галерее и считал портреты. Двадцать три. Двадцать три короля за четыреста лет. У каждого — свой характер, своё лицо, своя судьба. Но у всех — одни и те же глаза: серые, холодные, с прищуром. Глаза Болиантов. Ингус не был исключением. Я шёл и считал, потому что считал всегда. Это успокаивало. Сегодня спокойствие мне было нужно больше, чем обычно.

За дверьми зала ждали Бор и Грилф. Я не взял их внутрь — суд королевского совета не терпел лишних. Но они стояли у входа, в парадных камзолах, при оружии, и каждый, кто входил в зал, видел их. Это было достаточно. Бор кивнул мне. Грилф — оскалился. Я кивнул в ответ и вошёл.

Зал был длинный, с высоким потолком, на котором были нарисованы созвездия. Я считал. Двенадцать созвездий. Двенадцать окон — по шесть с каждой стороны, с витражами в тех же созвездиях. Пол — чёрный мрамор, отполированный до зеркала. Стульев не было — только кресла, и те только для короля, герцогов и послов. Остальные стояли. Я встал у левой стены, рядом с Гринфоллом, который ждал меня с утра. Напротив, у правой стены, стояли Лириэль и лэр Адимус — оба в парадных одеждах. Лириэль — в эльфийском платье серебристого шёлка, с серебряной диадемой в волосах. Адимус — в тёмно-синем дублете с серебряной вышивкой, герб Эвенвудов на груди. Я мысленно кивнул. Они выглядели как положено. Не как обвиняемые. Как дворяне.

В центре зала, на возвышении, стоял трон короля. Ингус сидел — грузный, в чёрном дублете, в короне, которая казалась ему тяжелее, чем неделю назад. Справа от него — герцог Эвенвуд, стоя. Слева — лэр Азард, стоя. У дальней стены, на отдельном кресле, сидел пожилой эльф с серебристыми волосами — посол эльфийского высокого совета, нейтральный наблюдатель. Я его не знал. Гринфолл шепнул мне утром: это Келлендил, посланник Серебряных холмов. Он молчит. Он смотрит. Он запоминает. Он не вмешивается, пока не попросят. Я мысленно отметил его. Нейтральный — не значит безобидный.

Представитель клана Золотой Рыси стоял у левой стены, напротив Лириэль. Эоландр — высокий, светловолосый, с лицом, вырезанным из мрамора. Длинные серебристые волосы, заплетённые в тугую косу, спадали до пояса. Глаза были золотистыми — как у всех из клана Золотой Рыси. В их взгляде угадывался тот самый особый прищур, который я уже замечал у эльфов этого рода. Эоландр был одет в парадный камзол золотого шёлка, с золотым гербом Рыси на груди. На поясе — длинный кинжал с золотой рукоятью. Я активировал перстень-классификатор. Аура Эоландра была светлой, золотистой — типичной для эльфа его клана. Но под светлым слоем, глубоко, я увидел другое — тёмное, серое, пепельное. То самое, что я уже видел у Торена. То самое, что я видел у adeптов Фасета. Я мысленно усмехнулся. Эоландр был не просто политическим врагом. Но я не подал виду. Я стоял и ждал.

Король поднял руку. Зал затих.

— Сегодня мы рассматриваем кровную жалобу клана Золотой Рыси против Лириэль из клана Серебряной Стрелы и лэра Адимуса Эвенвудского, — сказал Ингус. Голос у него был хриплый, уставший. — Жалоба подана в установленном порядке. Представитель Золотой Рыси — эльф Эоландр — изложит суть. Эоландр, говори.

Эоландр поклонился. Движение было плавным, выверенным, из тех, которым учат в эльфийских школах с детства. Он заговорил — голосом ровным, формальным, без единой интонации.

— Ваше величество. Три года назад Лириэль из клана Серебряной Стрелы была помолвлена с Ингларом из Золотой Рыси. Помолвка была официальной, скреплённой кровью кланов, по древнему ритуалу. Лириэль нарушила обет, уехав с хуманом Адимусом. По закону эльфийских кланов, она должна быть возвращена клану, а Адимус — казнён как соблазнитель. Я требую выдачи обоих.

Я слушал и считал формулировки. «Скреплённая кровью кланов». «Древний ритуал». «Соблазнитель». Эоландр говорил как опытный советник — в межклановых делах ему не было равных. И в этом не было ничего удивительного: он ведь был своим, кровным со клановцем, для которого интересы рода стояли превыше всего. Но я уже знал его ответ. Я знал, что он скажет дальше. Я знал, что он не упомянет — что согласие невесты обязательно по эльфийскому праву, и Золотая Рысь это согласие игнорировала. Я мысленно улыбнулся. Советники всегда забывают упомянуть неудобное.

Король повернулся к Лириэль.

— Обвиняемая, что скажешь?

Лириэль подняла голову. Я видел, как у неё дрожат пальцы — она сжимала подол платья так, что костяшки побелели. Но голос был ровен.

— Ваше величество. Я не давала согласия на помолвку. Мой отец — лидер клана Серебряной Стрелы — обещал меня Инглару в обмен на политический союз. Я была вещью. Я не хочу быть вещью. Я эльфийка, я разумная, я имею право выбирать.

Зал затих. Эоландр побледнел — не от страха, от гнева. Я видел, как у него дрогнула левая рука — рука, которая лежала на рукояти кинжала. Но он не шевельнулся. Он молчал. Аргумент Лириэль был формально законен, и он это знал.

Король кивнул.

— Защита?

Я вышел вперёд. Я — королевский алхимик, не советник, но Лириэль попросила меня выступить, и я согласился. Я поклонился королю и заговорил.

— Ваше величество. Защита строится на трёх аргументах. Первый: помолвка была принудительной — согласие невесты обязательно по эльфийскому праву, и Золотая Рысь это согласие игнорировала. Второй: Адимус не соблазнял — Лириэль сама обратилась к нему за помощью в поступлении в Магическую коллегию. Третий: наёмники, нанятые Золотой Рысью для похищения Лириэль, были подчинены магической клятвой насильно — это преступление по законам империи.

Эоландр повернулся ко мне. Золотые глаза его сузились.

— Королевский алхимик, — сказал он. — Ты говоришь о наёмниках. Какие доказательства?

Я ждал этого вопроса.

— Ваше величество, — сказал я, повернувшись к трону. — Прошу разрешения показать мыслеобраз. Я извлёк его из памяти командира наёмников Алекса, после того как освободил его от магической клятвы подчинения.

Король помедлил. Потом кивнул.

— Покажи.

Я снял с плеча чехол, в котором лежала Лютня. Чехол был из тёмной кожи, потёртый, с медной застёжкой в форме желудя. Я вынул Лютню, перехватил за гриф, активировал мысленным посылом. Лютня зазвенела — тихо, звонко, рассыпая в воздухе тонкие серебряные ноты. Струны завибрировали сами, после первого аккорда. Я выбрал в памяти нужный мыслеобраз — фрагмент, вытянутый из головы Алекса в ту ночь, когда я освободил его от заклинания, — и дал Лютне команду проиграть.

Зал провалился.

Сначала — комната в таверне на окраине Хилфорда. Алекс, командир наёмников, сидит на стуле, связанный. Напротив — эльф в чёрном плаще, с капюшоном, надвинутым на лицо. Эльф говорит заклинание. Алекс, против воли, произносит клятву: «Я, Алекс, клятву подчинения клану Золотой Рыси приношу...» Голос его мёртвый, без интонации. Я вижу, как его аура чернеет — подчинение ложится на неё, как чернильная клякса на пергамент.

Потом — другая сцена. Я, в той же комнате, ночью, освобождаю Алекса. Я говорю слова развёрнутой формулы, и чёрное пятно уходит из его ауры, как вода в песок. Алекс падает на колени и плачет. Я вижу его лицо — впервые за десять лет на нём нет маски наёмника.

Третье — ночь, две седмицы спустя. Лириэль и Адимус в экипаже, на дороге к Андовиллю. Из леса — три эльфа-ликвидатора в чёрных плащах, с короткими мечами. Адимус ранен. Лириэль, тогда ещё слабая, отбивается тёмной магией. Я подпеваю с Бором и Грилфом — и мы берём двух эльфов живыми. Третий убит.

Я убрал мыслеобраз. Струны Лютни замолчали. В зале стояла абсолютная тишина. Я видел, как Эоландр побледнел — на этот раз от страха. Он понял, что я показал.

— Это подделка! — Эоландр шагнул вперёд. Голос его дрогнул. — Иллюзия не может быть доказательством!

Я не ответил. Я посмотрел на Гринфолла. Мастер стоял у дальней стены, и лицо его было спокойным, как у человека, который ждал этого момента год.

— Иллюзия — нет, — сказал Гринфолл. — Но мыслеобраз ментальной памяти, скреплённый магической клятвой свидетеля — да. Я, магистр Гринфолл, гранд-мастер ментальной магии, подтверждаю подлинность. И готов поклясться.

Гринфолл поднял правую руку. По ладони прошла золотая волна — магическая клятва. Зал ахнул. Келлендил, посол эльфийского высокого совета, наклонился вперёд в своём кресле. Я видел, как его глаза сузились — он оценивал. Эоландр стоял неподвижно. Я видел, как он считает — быстро, методично, как советник, который понимает, что дело проиграно. Я мысленно усмехнулся.

— Хорошо, — сказал Эоландр наконец. Голос его стал ровным, без единой интонации. — Кровная жалоба отзывается. Но я требую расследования: кто из клана Золотой Рыси нанял наёмников? Это нарушение законов клана. Я сам хочу знать.

Я мысленно присвистнул. Эоландр был умён. Он отзывал жалобу — но не отступал. Он требовал расследования — против своего же клана. Это сохраняло ему лицо. Это давало ему время. Это давало ему возможность продолжать давить через суды. Король повернулся к Азарду.

— Лэр Азард. Расследование проведёшь совместно с Эоландром. Срок — месяц. Доклад — лично мне.

Азард поклонился.

— Слушаюсь, ваше величество.

Король встал. Зал встал за ним.

— Заседание окончено. Лириэль из клана Серебряной Стрелы и лэр Адимус Эвенвудский признаны невиновными. Кровная жалоба клана Золотой Рыси отозвана.

Зал начал расходиться. Я вышел первым — через боковую дверь, в коридор, где ждал Бор. Лириэль догнала меня у поворота.

— Мих.

— Лириэль. Ты справилась.

— Я дрожала.

— Я видел. Зал не видел. Эоландр не видел. Ты справилась.

Она кивнула. Я не обнял её — эльфы не любят прикосновений, и я уважал это. Но я сказал:

— Вечером — ко мне в поместье. Поговорим.

— Хорошо.

Она ушла. Адимус ждал её у выхода, и они пошли вместе. Я смотрел им вслед. Бор подошёл.

— Мих.

— Бор.

— Что-то было не так.

— Что?

— Эоландр. Он не испугался. Когда Гринфолл поклялся — он испугался на секунду. Потом — перестал. Как будто что-то понял.

Я кивнул. Бор был прав. Эоландр не проиграл. Эоландр перестроился. Я мысленно усмехнулся. Советники всегда перестраиваются.

— Бор, что ты чувствуешь?

— Эоландр — не простой эльф. У него аура двойная.

— Я знаю.

— Ты видел?

— Я видел. Под светлой — серая, пепельная. Как у Торена.

Бор помолчал. Потом сказал тихо:

— Мих, он адепт?

— Может быть. А может, нет. Серая аура может быть и у тех, кто работает с тёмной магией, не будучи адептом. Но связь с адептом Фасета — это уже приговор.

— Что будешь делать?

— Слежу. Сегодня ночью.

Бор кивнул и больше не спрашивал.

В поместье я вернулся к вечеру. Ольгерд открыл ворота, доложил, что за день без происшествий. Брунгильда работала в своей мастерской — я слышал, как стучит её молоток по металлу. Бор и Грилф ушли в комнаты. Я поднялся в лабораторию. Чёрный камень души мерцал ровным тёплым светом. Я положил ладонь на камень.

— Эрегон.

— Слушаю, хозяин.

— Эоландр. Что ты о нём знаешь?

Пауза.

— Хозяин, я знаю тип. Эльф-аристократ, опытный советник, амбициозен. Он из тех, кто готов продать что угодно ради цели. Если он связан с сектой — это не значит, что он адепт. Это значит, что ему обещали что-то, чего он хочет больше всего.

— Что?

— Не знаю, хозяин. Но если хочешь узнать — следи. Сегодня ночью.

— Согласен. Что скажешь о Келлендиле? Посол эльфийского совета.

— Келлендил — нейтрален. Это его работа. Эльфийский высокий совет не вмешивается в дела хуманов, пока хуманы не вмешиваются в дела эльфов. Келлендил не враг. Но и не друг. Он — свидетель.

— Свидетель?

— Да. Он записывает. Он запоминает. Он докладывает в Серебряные холмы. Если ты хочешь, чтобы эльфийский совет узнал что-то — скажи это при Келлендиле. Он передаст.

Я мысленно кивнул. Это было полезно. Очень полезно. Келлендил — нейтральный канал. Если я хочу, чтобы эльфийский высокий совет узнал о связи Золотой Рыси с сектой Фасета, мне нужно сказать это при Келлендиле. Не прямо — эльфы не любят прямых обвинений. Но достаточно, чтобы он понял и передал. Я запомнил. Когда-нибудь пригодится.

— Эрегон, ещё одно.

— Да, хозяин.

— Торен. Я видел его прошлой ночью. Он вышел ко мне у камина. Он знает, что я его вижу.

— Знаю, хозяин. Я чувствовал это через камень. Ты не спал. Ты думал. И он услышал твои мысли — не слова, нет, но направление.

— Что мне с ним делать?

— Не сейчас, хозяин. Торен — инструмент. Если ты его убьёшь сейчас — секта пришлёт другого. Если ты его оставишь и будешь вести — ты найдёшь тех, кто за ним стоит. Торен — это нить. Дёрни — и потянется клубок.

Я мысленно кивнул. Эрегон был прав. Торен был нитью. Я не должен был его обрывать. Я должен был тянуть.

— Спасибо, Эрегон.

— Обращайся, хозяин.

Я убрал ладонь с камня. Я активировал мысленным посылом ворона разведчика. Ворон раскрыл крылья, затрепетал, поднялся в воздух. Я послал ему образ Эоландра — лицо, рост, одежду, ауру — и дал команду: следить. Ворон вылетел в окно и растворился в вечернем небе. Я сел у стола и стал ждать.

Ворон дал о себе знать через три часа. Я сидел в кресле у камина в прихожей, читая свиток с расписанием лекций мастера Торена, который прислал Гринфолл, когда в моей голове вспыхнул образ. Я закрыл глаза и увидел.

Эоландр в закрытом доме на окраине столицы. Дом — двухэтажный, из тёмного камня, с узкими окнами, в которых не горит свет. Эоландр в комнате на втором этаже, с ним — человек. Человек в чёрном плаще, с капюшоном, надвинутым на лицо. Лица не видно. Но аура — я вижу через ворона, потому что ворон привязан ко мне ментально — аура у человека серая, пепельная, мёртвая. Аура адепта Фасета.

Эоландр и адепт говорят. Я слышу через ворона — не слова, но интонации. Адепт — тихо, ровно. Эоландр — с напряжением, с тем особым придыханием, какое бывает у разумных, которые просят о чём-то, чего им не дают. Адепт достаёт из-под плаща мешочек — тяжёлый, с золотом, я вижу по тому, как он ложится в ладонь Эоландра. Эоландр берёт. Кивает. Адепт говорит — и я через ворона ловлю только обрывок: «Клан Золотой Рыси получит Лириэль, когда Фасет придёт. А пока — продолжайте давить через суды.»

Я открыл глаза, и по коже пробежал холодок — не от сквозняка, а от той тяжёлой правды, что вдруг обрушилась на меня: клан Золотой Рыси — не просто политический враг. Они — союзники секты. Или, как минимум, наняты ею. Эоландр продал свой клан за мешочек золота и обещание. И он не один такой. Секта работает как вирус — проникает в старые раны, в старые обиды, в старые амбиции. Эоландр ненавидит хуманов — и секта даёт ему надежду на реванш. Он не понимает, что Фасет не даст ему реванша. Фасет даст ему поля боли и пирамиду. Но кто слушает голос разума, когда шепчет гордыня?

Я не пошёл к королю. Сначала я хотел узнать, кто ещё в клане замешан. Я дал ворону задание: следить за Эоландром круглосуточно, фиксировать все встречи. Ворон послушно ушёл в ночь.

Утром второго дня ворон передал образ: Эоландр в том же доме, встречается с другим эльфом — молодым, рыжеволосым, из Золотой Рыси. Я не знал его. Я мысленно отметил и стал ждать дальше.

Утром третьего дня ворон передал новый образ. Я сидел в лаборатории, перебирая флаконы с зельями, когда в моей голове вспыхнула картинка. Я закрыл глаза. И похолодел.

Эоландр в подвале. В подвале поместья Беннетов. Того самого поместья, в которое меня звали на обед-ловушку. Того самого, где Бор чувствовал нежить. Эоландр шёл по каменному коридору, с факелом в руке. За ним — человек в чёрном плаще, с капюшоном. Они спускались ниже, в подземелье, которого я не видел, когда был в гостях. Я видел через ворона — на стенах

руны, на полу — круг призыва, в центре круга — алтарь. На алтаре — фигура в капюшоне. Я узнал её. Я уже видел такую. В памяти адепта, на Чёрном острове. Жрец Фасета.

Клан Золотой Рыси. Семья Беннетов. Секта Фасета. Три нити сплетаются в один узел. Они все — одна компания. Беннеты дают дом. Золотая Рысь — политическое давление. Секта — магию и цель. Фасет — обещание, что они всё получают, когда он придёт. В итоге, конечно, ничего не получают. Но они не знают этого. Или не хотят знать.

Я открыл глаза. Я стоял у рабочего стола, и руки мои сжимали гранитную плиту так, что костяшки побелели. Я разжал пальцы. Я посмотрел на Чёрный камень души. Камень пульсировал ровным тёплым светом. Я мысленно обратился:

- Валериус.
- Слушаю, хозяин.
- У нас мало времени.
- Я знаю, хозяин.
- Что мне делать?

Пауза. Долгая. Я ждал

— Хозяин, — сказал Валериус наконец. — Иди к королю. Сегодня. Сейчас. Расскажи ему всё — про Эоландра, про Беннетов, про подвал, про жреца. Король должен знать.

— А потом?

— А потом, хозяин, король решит. Если король умён — он ударит первым. Если нет — ударишь ты. Но король должен знать.

Я мысленно кивнул. Я поправил Хранителя, на пояс, поднялся наверх, переоделся в парадный дублет — тот самый, тёмно-зелёный, с серебряной вышивкой — и вышел во двор. Ольгерд открыл ворота, и я в сопровождении отряда Алекса отправился к королю. Я ехал во дворец и думал. Король Ингус был неглуп. Король Ингус был прагматичен. Король Ингус видел Фасета — я ему показал. Король Ингус должен был понять. Если не поймёт — я найду того, кто поймёт. Но я дал ему шанс первым. Я всегда даю шанс первым. Так честнее. А потом — я делаю то, что должен.

Отряд выехал на торговую площадь. Я машинально считал фонари — двенадцать. У тринадцатого начинался поворот к дворцу, и мы свернули.

Ворота распахнулись передо мной — всётаки королевский алхимик. Отряд Алекса остался снаружи, а я въехал во двор и спешил. Капитан гвардии — тот самый, что вёл меня к трону на первой аудиенции, — почтительно поклонился.

- Рон Мих. Его величество ожидает вас.
- Я знаю, — сказал я. — Ведите.

Глава 6

Приём в «Золотом драконе» начался с того, что Прокл — главный распорядитель таверны, лощёный хуман с аккуратно стриженной бородкой — встретил нас у центрального входа, поклонился и сказал:

— Рон Мих, мастер Фролл ожидает вас в малом зале. Герцог Кассиус Бангарский прибыл с посольством полчаса назад. Ваш стол — справа от герцогского, у окна.

— Спасибо, Прокл.

— Для вас — всё готово. Ваш дублет, если позволите, я освежил. Мастер Фролл настоял.

Я кивнул. Прокл исчез — мягко, бесшумно, как и появился. Я посмотрел на Бора и Грилфа. Бор был в своём парадном камзоле — тёмно-синем, с серебряной вышивкой, под которым угадывалась кольчуга. Грилф — в камзоле цвета бордо, с двуручным мечом, перетянутым полотном, за спиной. Лириэль, в эльфийском платье серебристого шёлка, шла между ними — бледная, с тёмными провалами под глазами, но спокойная. Адимус, в дублете с гербом Эвенвудов, шёл за ней, и я видел, как его рука время от времени касалась её локтя — осторожно, как трогают что-то хрупкое.

Мы вошли в малый зал. Зал был тот же, в котором я когда-то играл для Фролла в первый раз — длинный, с каменным полом, с гобеленами на стенах, с камином у дальней стены, в котором горели берёзовые поленья. Но сегодня он был другим. Сегодня в нём было шестьдесят человек, и каждый из них был кем-то — герцогом, графом, послом, магистром. Сегодня зал был полон.

Я нашёл взглядом Фролла. Мастер стоял у камина, в тёмно-бордовом дублете с золотой цепью дома Андовилль на груди, и разговаривал с высоким южанином. Герцог Кассиус Бангарский был молод — лет тридцати, не больше. Тёмная кожа, чёрные волосы, острые черты, и глаза — глаза цвета расплавленного золота, с тем особым блеском, какой бывает у людей, которые выросли у океана и не боятся ничего. На нём был белый парадный кафтан южного покроя, с золотой вышивкой по воротнику, и на поясе — кривая сабля с рукоятью из акульего зуба. Я мысленно отметил: сабля не декоративная. Кассиус носил её как воин, не как аристократ.

— Рон Мих! — Фролл заметил нас и помахал рукой. — Идём, идём. Герцог ждёт.

Мы подошли. Кассиус поклонился — низко, по-южному, с той особой грацией, какую я видел только у людей, которые выросли в придворной культуре Бангара.

— Рон Мих, королевский алхимик Андовилля. — Кассиус говорил по-имперски чисто, но с лёгким южным акцентом. — Я герцог Кассиус, посланник его величества Аларикса Бангарского. Король Аларикс просил передать вам это лично.

Он достал из-за пазухи свиток — плотный пергамент, запечатанный золотой печатью с гербом Бангара: лев с короной, стоящий на задних лапах. Я узнал печать — у меня уже была одна такая, золотая печатка-пропуск, которую Аларикс подарил мне при нашей прошлой встрече. Эта была другой — официальной, дипломатической.

Я принял свиток, поклонился.

— Герцог Кассиус. Благодарю. Король Аларикс оказывает мне честь.

— Король Аларикс, — сказал Кассиус, — ждёт вас в Бангаре. Но он понимает — у вас дела в Андовилле. Разберитесь. Приезжайте, когда сможете. Южное море помнит вас.

Я мысленно усмехнулся. «Южное море помнит тебя». Аларикс умел подбирать фразы — с тем особым южным пафосом, который у хуманов севера казался напыщенным, но у южан звучал естественно. Я кивнул. Я понимал: это не просто приглашение. Это политический ход. Аларикс хотел показать другим королям — Ингусу, Васторнскому — что Мих из Речного, королевский алхимик Андовилля, — его человек. Что у него есть золотая печатка Бангара.

Что за ним стоит сильнейшая армия империи. Это было полезно. Это было опасно. Полезно — потому что сектанты дважды подумают, прежде чем тронуть человека Бангара. Опасно — потому что Ингус мог увидеть в этом угрозу. Я мысленно запомнил это. Когда-нибудь пригодится. Я уже начинал жить по этому правилу.

Фролл повёл нас к нашему столу. Я шёл и считал лица. Генри Беннет — у левой стены, с отцом, графом Ларсом. Молодой, красивый, с ядовитой улыбкой. Лэр Азард — у дальней стены, с двумя советниками, которых я не знал. Магистр Гринфолл — у камина, с кубком вина, с той особой расслабленностью, какая бывает у магов, которые знают, что могут защитить себя сами. Король Ингус — инкогнито, в ложе на втором этаже, за тяжёлой портьерой. Я его не видел, но чувствовал — по двум магам-телохранителям, которые стояли у лестницы, и по тому, как Прокл, проходя мимо ложи, замедлил шаг на полсекунды.

Я сел за стол. Лириэль — справа, Адимус — рядом с ней. Бор и Грилф — за соседним столом, с наёмниками Алекса, которых я пригласил для подстраховки. Подали первое — рыбный суп из южного окуня, с шафраном и лимоном. Я не ел. Я смотрел на зал и наблюдал.

Генри Беннет встал. Я видел, как он двинулся к нашему столу — медленно, по-кошачьи, с той особой походкой, какая бывает у молодых людей, которые хотят, чтобы на них смотрели. Он подошёл к Бору. Бор сидел спиной к нему и не видел. Я видел. Я не шевельнулся. Бор — взрослый маг. Он сам решал.

— Маг Бор, — сказал Генри. Голос у него был ровный, формальный, из тех, какими говорят дуэльные вызовы. — Мой кузен, лэр Виллем Беннет, считает, что вы оскорбили его на улице позавчера. Вызов?

Бор повернулся. Медленно, как всегда. Он смотрел на Генри секунды три. Потом на меня. Я не кивнул. Я не покачал головой. Я смотрел. Бор понимал.

— Принимаю, — сказал Бор. — Зал суда чести. Завтра утром.

Генри кивнул. Развернулся. Ушёл. Я видел, как у его отца, графа Ларса, дрогнула щека — единственный знак, что он этого не ожидал. Я мысленно усмехнулся. Генри действовал сам. Граф Ларс не приказывал. Генри — двадцать два года, золотая молодёжь, студент боевой магии — решил, что умнее отца. Он не был умнее. Он был моложе. А молодость — это не ум. Молодость — это скорость. А скорость — это не всегда преимущество.

— Мих, — шепнула Лириэль.

— Я знаю.

— Бор...

— Бор сам решил. Он взрослый. Он прошёл Чёрный остров. Он знает, что делает.

Лириэль кивнула. Она не спрашивала больше. Она была эльфийкой, и эльфы умели молчать, когда молчание было уместнее слов.

— Рон Мих, — услышал я голос Прокла. — Мастер Фролл просит вас выступить. Короткий концерт — пять минут. Герцог Кассиус хотел бы услышать вашу игру.

Я встал. Достал из чехла Лютню. Лютня была тёплой, как всегда — она чувствовала близость зала, и ей нравилось. Я вышел на середину. Шестьдесят пар глаз смотрели на меня. Я мысленно активировал Лютню, выбрал мыслеобраз — «Сказку о Чёрном острове», новую, адаптированную, без упоминания реальных имён, но с узнаваемыми деталями — и начал играть.

Сначала — лес. Тёмный, фиолетовый, с деревьями, у которых листья треугольной формы. Трое друзей идут по тропинке — гоблин с алхимической сумкой, хуман с посохом, орк с молотом. Они идут к Чёрному острову. Они не знают, что их ждёт.

Потом — подземелье. Каменные стены, три тоннеля, одиннадцать невоскрытых дверей. Алтарь бога Амаури — древний, покрытый рунами, с угасающей магией. Трое друзей входят. Трое друзей выходят — с артефактами, с ранами, с духом, который теперь живёт в камне.

Потом — Лич. Высший. В чёрном зале, с синими клинками адептов по бокам. Бой — короткий, жестокий, без лирики. Орк бьёт молотом, маг бьёт льдом, гоблин бьёт алхимией. Лич падает. Камень души — трофей.

Я убрал мыслеобраз. Струны Лютни замолчали. В зале стояла абсолютная тишина. Я смотрел на лица. Герцог Кассиус встал. Он смотрел на меня — глаза цвета расплавленного золота были широко раскрыты. Он аплодировал стоя. Зал встал за ним — не сразу, по одному, потом — все. Я поклонился. Я мысленно погладил Лютню. Она была довольна. Она всегда была голодна до эмоций, и сейчас она наелась.

Прокл подошёл ко мне с подносом — на подносе лежала сложенная записка, запечатанная королевской печатью. Я узнал печать — Болианты, корона с семью пиками. Я вскрыл записку. Одной строкой, чернилами, написанными рукой королевского секретаря: «После бала — ко мне. Срочно. Ингус.»

Я мысленно кивнул. Король что-то узнал.

Утром — зал суда чести. Зал был круглый, с каменными скамьями по стенам, с возвышением в центре, на котором была начерчена магическая печать — круг с семью рунами. Виллем Беннет стоял на возвышении — молодой, лет двадцати пяти, в лёгкой магической броне, с огненным копьём в руке — оружие из тех, что используют маги огня на дуэлях: древко из обожжённого дерева, на конце — кристалл огня, который при активации формирует лезвие пламени. Виллем был самоуверен. Я видел это по его позе — расправленные плечи, поднятый подбородок, лёгкая улыбка. Он думал, что он сильнее. Он не был сильнее. Он был просто самоуверен.

Бор вышел на возвышение. Без брони — в простом сером камзоле, с посохом. Он был спокоен. Я видел это по его лицу — никаких эмоций, никаких признаков волнения. Бор был из тех магов, которые перед боем становятся тише воды, и в этой тишине — копят силу.

— Начиайте, — сказал судья — пожилой маг в мантии коллегии. Виллем ударил первым — огненным копьём, в грудь, без предупреждения. Бор не уклонился. Он поставил ледяной щит — щит возник из ничего, как стена прозрачного льда, и огненное лезвие разбилось о него, как волна о скалу. Виллем отшатнулся — от собственной отдачи. Бор контратаковал. Воздушное лезвие — невидимое, беззвучное, как полёт сокола. Оно прошло на уровне правого локтя Виллема. Правая рука Виллема отделившись от тела вместе с копьём глухо ударилась о камень — и в этом звуке было столько безмолвия, что по спине у всех пробежал ледяной холодок.

Виллем не закричал. Он побледнел — мгновенно, как полотно, — и осел на колени. Бор тяжело дышал. Он подошёл к Виллему, положил ладонь на обрубок — из которого хлестала кровь — и произнёс базовое заклинание лечения. Кровотечение остановилось. Края раны затянулись — не полностью, но достаточно, чтобы Виллем не истёк.

— Извини, — сказал Бор. — Но ты бы убил меня, если бы смог.

Виллем, бледный от шока, поднял на него глаза.

— Да, — прошептал он.

Бор отвернулся. Он сошёл с возвышения, и я видел, как у него дрожат руки — не от страха, от маны. Воздушное лезвие стоило ему четверти резерва. Он сел рядом со мной на скамью. Я не сказал ничего. Я положил ему руку на плечо. Он кивнул. Он понял.

Граф Ларс Беннет подошёл ко мне. Он был бледен — но не от шока, от ярости. Он смотрел на меня — холодно, теми же серыми глазами, что и его портреты в поместье.

— Ты знал, что твой маг сильнее.

— Да, — ответил я. — И Виллем знал. Он принял вызов, чтобы доказать свою храбрость. Храбрость — это прекрасно. Глупость — нет.

Граф Ларс молчал долго. Я ждал. Я умел ждать.

— Я отправлю сына в наше восточное баронство, — сказал он наконец. — Подальше от столицы. Подальше от тебя.

— Передайте Генри, что его кузен — не глупец, и я уважаю его храбрость. Но если Генри продолжит — следующий будет сам Генри.

Граф Ларс кивнул. Он не сказал «договор». Он не сказал ничего. Он просто ушёл. Я смотрел ему вслед. Я знал — он выполнит. Он умел ждать. И он умел считать.

Днём — суд по патентному иску гильдии механиков. Зал — другой, гражданский, с деревянными скамьями и магическим барьером вокруг судейского кресла. Мастер Гнорр — глава гильдии, коренастый гном с рыжей бородой и глазами, которые считали всех вокруг, как менялы считали монеты — стоял у левой стены, с двумя советниками. Судья — пожилой хуман, сидел в кресле, в мантии с серебряным шитьём. Я вошёл с Брунгильдой. Она была бледна, но спокойна — она знала, что права. Я активировал перстень-классификатор. Перстень нагрелся. Я посмотрел на судью. На нём — амулет, скрытый под мантией, с тёмной магической сигнатурой. Не секты — гномий, подкупный. Я мысленно усмехнулся. Гнорр не знал меры. Гнорр хотел гарантий. Что ж, Гнорр получил гарантию, которая его погубила.

— Ваша честь, — сказал я. — Прошу перенести заседание. У меня есть свидетель подкупа.

Брунгильда выступила. Она рассказала о чертежах на стене у Гнорра, о подкупленном столяре Долсе, о встрече, на которой Гнорр обсуждал с адвокатом «дополнительные меры». Зал молчал. Судья побледнел. Я видел, как он считает все ходы — быстро, как все судьи, которые понимают, что дело плохо. Он снял мантию. Он снял амулет. Он положил и то, и другое на стол перед собой.

— Я беру самоотвод, — сказал он. — Дело откладывается до назначения нового судьи.

Гнорр в ярости. Он смотрел на меня — глазами, в которых было столько желчи, что её хватило бы на троих. Я не ответил. Я поклонился и вышел. В коридоре меня ждала Брунгильда.

— Мих.

— Брунгильда. Ты справилась.

— Я боялась.

— Я видел. Гнорр не видел. Ты справилась.

Она кивнула. Я мысленно усмехнулся. Советники всегда боятся. И всегда справляются.

Ночью — вызов к королю. Капитан гвардии встретил меня у дворцовых ворот и повёл — не в тронный зал, в малый кабинет Ингуса. Кабинет был маленький — камин, стол, три кресла. Король сидел в одном, в простом дублете, без короны. Эвенвуд — во втором. Азард — в третьем. Я стоял.

— Мих, — сказал король. Голос у него был хриплый, уставший. — Мой камердинер — десять лет на службе. Доверенный. Вчера я узнал, что он — спящий адепт Фасета. Он пытался отравить меня через королевский стул, который каждое утро ставил во время завтрака. Стул зачарован — медленное заклятие истощения. Ты можешь проверить?

Я посмотрел на стул, который стоял в углу кабинета — тяжёлый, дубовый, с резной спинкой. Я активировал Обнаружение. Тёмная сигнатура — слабая, накопленная за месяцы, как яд в старом вине. Я кивнул.

— Да, ваше величество. Заклятие истощения. Месяцев шесть — семь. Если бы ещё полгода — вы бы почувствовали слабость. Через год — обмороки. Через два — смерть.

Король побледнел. Эвенвуд сжал подлокотники. Азард не шевельнулся — я видел, что он уже знал. Азард всегда знал первым.

— Сколько их ещё при дворе? — спросил король.

— Не знаю, ваше величество. Но я найду. Дайте мне седмицу.

Король помолчал. Потом кивнул.

— Седмица. И, Мих, — король поднял на меня глаза, — если найдёшь — действуй. Без суда. Без огласки. Я не могу позволить, чтобы при дворе узнали, что мой камердинер был адептом секты. Это — мой позор. И моя ответственность.

Я поклонился. Я понимал. Двор — не место. Это живой организм. Каждый слуга — капилляр, каждый аристократ — артерия, по которой течёт власть. И в этот организм ввели вирус. Тихий. Терпеливый. Он копился десять лет, не торопясь, как яд в старом вине. Я должен его вырезать. Сначала — найти. Потому что резать вслепую — значит вызвать сепсис. А сепсис убивает. Король — пациент. Я — хирург. Только мой скальпель — кинжал, который поглощает души.

Я вышел из дворца. Ночь была тёмная, безлунная, с тем особым холодом, какой бывает в Андовилле в начале осени, когда лето уже ушло, а зима ещё не пришла. Я сел в фургон. Тронул поводья. Мерины двинулись. Я считал фонари. Двенадцать. На тринадцатом — поворот к поместью. Я свернул.

У ворот меня ждал Ольгерд. Старик стоял с фонарём, и свет фонаря ложился на его лицо, вырубленное из старого дуба, жёсткими жёлтыми бликами. Ольгерд не поклонился. Ольгерд схватил меня за рукав.

— Хозяин! Эрик снова пытался спуститься в подземелье. На этот раз — с боем. Он ранил двух наших. Мы его связали.

Я спешился.

— Раненые — живы?

— Живы. Один — порез на руке. Другой — удар по голове. Очнулся.

— Хорошо. Эрик — где?

— В подвале у кузни. Грилф караулит.

Я кивнул. Я пошёл к кузне. Факел у двери горел, и при его свете Грилф — огромный, спокойный, с двуручным мечом на плече — стоял, как скала. Он кивнул мне.

— Мих.

— Грилф. Он что-нибудь сказал?

— Нет. Молчит. Но, Мих... он странный.

— Странный — как?

— Его глаза. Они светятся. Слабо. Синим. Как у адептов.

Я мысленно похолодел. Синие глаза. Синие клинки. Синяя печать. Я открыл дверь подвала. Спустился. Эрик сидел у дальней стены, связанный по рукам и ногам. Рыжая борода всклокочена. Но глаза — глаза были не его. Глаза светились слабым синим, как два крошечных сапфира, вставленных в лицо человека. Я активировал перстень-классификатор. Перстень нагрелся — сильно, до боли. И выдал мне надпись, которую я не ожидал:

«Носитель. Паразит Фасета. Вживлён. Статус — пробуждение. Время до полного пробуждения — десять минут.»

Десять минут. Я стоял над Эриком и смотрел на него. Эрик смотрел на меня — не глазами Эрика, глазами чего-то другого, что жило внутри него. Я мысленно потянулся к Хранителю — кинжал на поясе отозвался, тёплый, голодный.

— Хранитель, — спросил я мысленно. — Что это?

— Хозяин, — ответил Хранитель. — Паразит Фасета. Малый кусочек божественного сознания. Он вживлён в душу носителя. Если паразит пробудится полностью — носитель станет проводником воли Фасета. Он не будет человеком. Он будет ретранслятором.

— Можно извлечь?

— Можно. Но риск. Паразит может ускользнуть — найти другого носителя. В этом доме — четыре мага. Любой из них — следующий.

— А если убить?

— Если убить — паразит умрёт вместе с носителем. Душа носителя — моя. Я возьму.

Я стоял. Считал. Минуты шли. Эрик смотрел на меня синими глазами, и в этих глазах было что-то — не ненависть, не страх — голод. Паразит голодал. Паразит хотел пробудиться. Паразит хотел, чтобы я медлил. Я не медлил. Я вытащил Хранителя. Лезвие прозрачное, мифриловая рукоять, белый камень души в навершии. Я поднял кинжал. Эрик — или то, что было внутри Эрика — открыл рот. Закричал. Голос был не его — высокий, тонкий, насекомий, как треск хитиновых крыльев.

— Хозяин, — сказал Хранитель. — Решай. Десять минут. Или семь. Я считаю.

Я считал тоже. И я решил.

Глава 7

Три часа ночи. Полнолуние. Серебряный диск стоял над Андовиллем высоко, и его свет ложился на крыши города, как тонкая фольга. Я не спал. Я лежал в спальне, смотрел в потолок, и считал трещины — семь, как семь пиков короны Болиантов. Я считал, потому что считать — успокаивало. Я считал, потому что знал: этой ночью что-то случится.

Хранитель подал голос первым. Кинжал, лежавший на тумбочке у кровати, нагрелся — сильно, до боли, как будто его опустили в кипяток. Я мысленно потянулся к нему. И услышал.

— Хозяин. Я чувствую их. Паразиты просыпаются. Пятнадцать минут до удара. Три цели: ты, эльфийка, лекарь.

Я вскочил. Три цели. Три одновременных удара. Я — в поместье. Лириэль — в коллегии, в двух часах пути верхом. Адимус — в дворце, в получасе. Пятнадцать минут. Я не успею предупредить всех. Я не успею доехать.

— Ворон, — крикнул я мысленно и одновременно призвал иллюзию. — Ворон, к Лириэль. Немедленно.

Ворон-иллюзия, раскрыл крылья. Я послал ему образ — Лириэль, общая комната коллегии, тёмный факультет — и команду для неё: «Беги. Тревога. Прячься». Ворон вылетел в окно и растворился в серебряном свете луны. Я знал, что до коллегии он долетит за десять минут. До дворца — нет. Слишком далеко. Адимус будет один.

Я выскочил из спальни, сбежал по лестнице, ворвался в прихожую. Ольгерд спал у входа, на своей лежанке. Я тряс его за плечо.

— Ольгерд! Тревога! Поднимай Алекса! Все к главному входу!

Ольгерд открыл глаза — мгновенно, без того перехода от сна к яви, какой бывает у штатских. Старый наёмник. Он был на ногах за две секунды, с мечом в руке. Я побежал дальше. Алекс — в караулке у ворот, со своими людьми. Я ворвался.

— Алекс! Бой! Двадцать адептов, чёрные плащи, синие клинки. Через канализацию. Они будут в саду через пять минут.

Алекс не спросил «откуда ты знаешь». Алекс был наёмником. Алекс повиновался. Он поднял своих четверых — они спали одетыми, как я и велел — и они были у входа за тридцать секунд. Я бежал к лаборатории. По дороге — к Бору и Грилфу.

— Бор! Грилф! К лаборатории! Главный удар — туда!

Бор вышел из комнаты — в камзоле, с посохом, с глазами, которые уже были глазами бойца. Грилф — с двуручным мечом на плече, с молотом на поясе, с оскалом, который он считал улыбкой. Я мысленно отметил: Грилф готов. Грилф всегда был готов. Грилф любил драку.

Я ворвался в лабораторию. Четыре магических шара под потолком зажглись — тёплым жёлтым, реагируя на хозяина. Я активировал всё разом. Лютня — в чехле, наготове. Хранитель — на поясе. Эрегон — я мысленно позвал его. Камень души отозвался волной.

— Эрегон, купол. Абсолютная защита. Накрывай лабораторию.

— Готов, хозяин. Купол встаёт.

Эрегон знал. Эрегон ждал. Голубая полусфера вспыхнула над лабораторией — тонкая, как мыльный пузырь, но плотная, как сталь. Первый удар секты — если он будет — примет купол.

— Валериус.

— Слушаю, хозяин.

— Будь готов материализоваться. Если прорвутся менталисты — твой выход.

— Жду, хозяин. Я ждал этого двести лет. Дайте мне их.

Я мысленно усмехнулся. Валериус, который двести лет был призраком в стенах собственного дома, рвался в бой. Я не препятствовал. Я достал Лютню, активировал её мысленным посылом. Струны завибрировали сами, без пальцев. Я выбрал ментальный удар — короткий, мощный, парализующий. Заложил в Лютню. Ждал.

Первыми пришли звуки. Топот сапог в саду — много, двадцать пар, не меньше. Хруст гравия. Шорох чёрных плащей. Я активировал перстень-классификатор, расширил Обнаружение на весь дом. Они шли со стороны канализации — через туннель, который я не знал. Канализация в столице была, и секта её использовала. Я мысленно выругался. Урок. Я должен был знать. Не учёл.

— Ольгерд! — крикнул я в коридор. — Сколько у входа?

— Вижу пятерых! Чёрные плащи! Синие клинки!

— Держи!

— Хозяин, держим!

— Грилф, — крикнул я. — Готов?

— Готов, Мих. — Голос Грилфа был ровным, как у горного ручья. — Я ждал этого весь день.

— Бор?

— Я здесь, Мих. — Бор стоял у двери лаборатории, посох уже светился голубым. — Я тоже ждал.

Я слышал бой у главного входа. Стук мечей — сталь о сталь. Крик — короткий, оборванный. Я не знал, чей. Грилф стоял у двери лаборатории, с мечом в одной руке, с молотом в другой. Бор — за его спиной, с посохом, голубое свечение которого стало ярче. Я — у стола, с Лютней в одной руке, с Хранителем в другой. Ждали.

Первыми прорвались трое. Дверь разлетелась от мощного удара магии. Три фигуры в чёрных плащах, с синими клинками, с капюшонами, надвинутыми на лица прыгнули в помещение. Грилф не дал им приземлиться. Первый адепт ещё был в воздухе, когда молот — стальной, на длинной рукояти, с рунами Ледяного кулака — ударил его в грудь. Хруст. Адепт отлетел на три метра, врезался в стену, сполз. Не встал.

Второй успел приземлиться. Он поднял синий клинок — длинный, светящийся, как молния в грозу, — и замахнулся. Грилф бросил молот, выхватил двуручный меч — мифриловый, с красным сиянием, трофеем с Чёрного острова — и ударил. Один удар. Меч прошёл через шею адепта, как через масло. Голова покатилась по полу, тело осело. Грилф не смотрел. Грилф уже поворачивался к третьему.

Третий метнул синий клинок — как нож, с вращением. Грилф поднял левую руку с амулетом и активировал заклинание Ледяной кулак. Воздух перед его ладонью кристаллизовался — мгновенно. Синий клинок ударил в ледяную стену и разлетелся искрами — синими, как светлячки, гаснущими в воздухе. Грилф усмехнулся.

— Бор!

Бор не ждал приглашения. Из-за спины Грилфа — вылетело воздушное лезвие. Невидимое, беззвучное и быстрое как полёт сокола. Оно прошло на уровне пояса третьего адепта. Адепт разрезан пополам — верх и низ, двумя кусками, которые упали в разные стороны. Кровь — тёмная, густая, и внутренности хлынули на каменный пол.

— Хорошо, — сказал я. — Это трое. Осталось семнадцать.

Семнадцать. Я знал, потому что Хранитель считал.

— Хранитель, статус?

— Хозяин, трое ушли. Четырнадцать живых. Двенадцать у главного входа, с Ольгердом и Алексом. Двое — менталиста — идут сюда. С ними — огненный маг.

Менталисты. Огненный маг. Я мысленно кивнул. Это — главная цель. Не наёмники у входа. Лаборатория. Я.

— Бор, щит.

Бор поднял посох. Ледяной щит — широкий, во всю дверь, прозрачный, как стекло. Грилф встал за ним. Я — за столом, с Лютней. Ждал.

— Мих, — шепнул Бор.

— Что?

— Я чувствую их. Двое — слева. Один — справа. Справа — огненный. Слева — менталисты.

— Сколько?

— Двое менталистов. Один маг. Все — мастера.

— Ты готов?

— Я всегда готов, Мих.

Они вошли через проем двери которую снесли первые три адепта. Двое в чёрных плащах, без клинков — менталисты, я почувствовал их попытку проникнуть в мой разум. Тонкие, холодные щупальца — как иглы, как мороз под кожу. Я мысленно улыбнулся. Ментальный блок, который я поставил себе неделю назад, держал. Они не могли войти. Но они давили.

Третий — огненный маг. Молодой, лет двадцати пяти, с коротким жезлом из чёрного дерева, на навершии которого горел кристалл огня. Он активировал его — кристалл вспыхнул, и лезвие пламени — оранжевое, с красным ядром — вытянулось на два локтя. Маг встал в стойку. Я активировал Лютню.

Ментальный удар. Короткий, мощный, как удар колокола. Струны Лютни загудели — низко, грозно. Волна магии пошла от Лютни, через лабораторию, в головы менталистов. Они замерли. Оба. Как статуи. Паралич — десять секунд, не больше, но мне хватит.

— Валериус!

Валериус материализовался. Не целиком — полупрозрачной фигурой, с тем особым свечением, какое бывает у духов в моменты силы. Он стоял — седой, в архаической мантии, с глазами, в которых горел холодный синий свет. Поднял руку. Один жест. Менталисты упали — оба, одновременно, как подкошенные. Без сознания. Шок. Дух архимага, которого они считали мифом, стоял перед ними. Их разумы не выдержали.

Я бросился к огненному магу. Он успел замахнуться — лезвие пламени шло мне в лицо, я чувствовал жар, как от открытой печи. Защита не задержала его лишь замедлила — купол держал ментальные атаки, не физические. Я уклонился — вправо, низко, как учил Бор. Лезвие прошло над головой. Я услышал, как занялись мои волосы — запах палёного. Я вонзил Хранителя.

Кинжал вошёл в грудь мага — легко, как в масло. Прозрачное лезвие вспыхнуло — белым, ярким, как магний. Маг открыл рот. Без звука. И — душа ушла. Я почувствовал — через рукоять, через белый камень в навершии — как Хранитель берёт. Берёт всё — память, знания, силу. Маг осел. Я вытащил кинжал. Маг был пуст. Оболочка. Я мысленно кивнул Хранителю.

— Спасибо.

— Я голоден, хозяин. Дай мне ещё.

— Потом.

— Бор, — крикнул я. — Лаборатория чиста. Держи дверь.

— Понял.

Бор встал у входа, с посохом наготове. Грилф — рядом, с мечом, с оскалом, в котором клыки блестели, как ножи. Я мысленно кивнул. Хорошая позиция. Если кто-то ещё прорвётся — встретят их.

Сорок секунд. Бой в лаборатории длился сорок секунд. Все адепты мертвы или без сознания. Я стоял над телами и считал пульс. Сердце колотилось. Руки — твёрдые. Я мысленно потянулся к ворону — Лириэль.

Ворон дал о себе знать. Образ пришёл — чёткий, яркий. Лириэль в общей комнате коллегии, в тёмном углу, с книгой в руках. Тревога — в её глазах, но не паника. Я послал ей мысль: «Бой. Прячься. Я с тобой». Она ответила — мысленно, через ворота-иллюзию, которые я установил для связи.

— Мих. В коллегии всё. Торен мёртв. Я... я его убила. Тёмной магией. Я не знала, что смогу. Я смогу снова.

Я содрогнулся. Лириэль впервые убила. И сделала это тёмной магией. Малая тень, высосавшая душу. Это изменит её. Я слышал в её ментальном голосе дрожь — но не страх. Что-то другое. Я мысленно ответил:

— Лириэль, держись. Я приеду утром.

— Я держусь.

Она отключилась. Я стоял в лаборатории и думал. Ко дворцу ворон не успел. Адимус — один. Я мысленно потянулся к Грилфу — через магическую связь, которую я установил между членами команды.

— Грилф. Алексу — ко дворцу. Адимус один. Беги.

Грилф кивнул и бросился к выходу. Я слышал, как он кричал Алексу — на бегу, переступая ногами тяжело, по-медвежьи:

— Алекс! Адимус! Дворец! Беги!

Алекс не спросил. Алекс побежал. С тремя наёмниками — четвёртый остался у входа, с Ольгердом. Я знал, что они не успеют за четыре минуты. Но я знал, что Адимус — маг жизни, не боевой, но не беззащитный. Он продержится. Если продержится — Алекс спасёт. Я мысленно молился. Не богам — я им не верил. Я молился случаю.

Я вышел в коридор. Бой у главного входа ещё шёл — но слабо. Семеро адептов лежали на гравии двора. Ольгерд — у входа, с мечом, в крови — чужой и своей. Алексовы наёмники — двое ранены, один цел. Я подошёл к Ольгерду.

— Ольгерд?

— Хозяин. Десять — наши. Семеро — их. Осталось трое. Убежали.

— Ранен?

— Царапина.

Он показал руку. Не царапина — глубокий порез от плеча до локтя, перевязанный тряпкой, которая уже пропиталась. Я достал из сумки зелье лечения. Плеснул на рану. Ольгерд зашипел, но стоял.

— Ольгерд, ты — герой.

— Хозяин, я — наёмник. Герои — это те, кто умирает за идею. Я — за деньги.

— Тогда ты — богатый наёмник.

Он усмехнулся. Кашлянул. Я мысленно кивнул. Ольгерд держался.

Я пошёл к лаборатории. Ольгерд — за мной. Я не успел. Из-за угла — последний адепт, которого я не заметил. Он выскочил — из ниши, из тени, как крыса из-за камня. С синим клинком. Замахнулся. На меня.

Ольгерд не думал. Ольгерд прыгнул. Закрыв меня — спиной, всем телом, как щитом. Синий клинок вошёл ему в спину — под лопатку, до рукояти. Ольгерд не закричал. Ольгерд обернулся — с клинком в спине, с мечом в руке — и ударил адепта. В шею. Адепт упал. Ольгерд — упал на него.

Я бросился к старику. Перевернул. Синий клинок торчал из спины — чуть левее позвоночника, в лёгком. Я активировал перстень-классификатор. Синий клинок — зачарованный, яд Фасета, разъедающий ману. Я вытащил клинок. Ольгерд закашлялся — кровью, тёмной, с пузырями. Я плеснул зелье лечения — прямо в рану. Зелье не взялось. Яд Фасета разъедал заживляющую магию, как кислота.

— Ольгерд.

— Хозяин. — Голос его был хриплым, тихим. — Я...

— Молчи. Я лечу.

— Хозяин, не надо. Я знаю. Синий клинок. Яд Фасета. Я видел такое. Не лечится.

— Молчи, старик. Я — королевский алхимик. Я кого хочешь вылечу.

— Хозяин, ты — гоблин. — Ольгерд усмехнулся. Кровь пошла у него изо рта. — Ты — гоблин, который стал королевским алхимиком. И ты — не бог.

— Я знаю, — сказал я. — Но я попробую.

Я плеснул зелье лечения — последнее, что у меня было. Зелье не взялось. Яд Фасета разъедал заживляющую магию, как кислота.

— Ольгерд.

— Хозяин.

— Спасибо.

— Не за что, хозяин. Я — наёмник. Это работа.

Он умер через минуту. Без мучений. Глаза его были открыты — серые, спокойные, как у человека, который сделал свою работу и устал. Я закрыл ему глаза. Я стоял над ним — старым наёмником, который проработал у меня восемь дней. Восемь. И погиб, спасая того, кто ему платил. Должен ли я чувствовать вину? Не знаю. Я чувствовал холод. И решимость. Секта должна заплатить. За Ольгерда. За студентов коллегии. За всех.

Я встал. Я поднял Хранителя. Лезвие мерцало — белым, тёплым, голодным. Я мысленно кивнул.

— Хранитель, ты получишь. Обещаю.

— Я знаю, хозяин. Я подожду.

Утро пришло серое, туманное, с тем особым холодом, какой бывает в Андовилле после полнолуния. Я не спал. Я сидел в прихожей, над телом Ольгерда, и считал трещины на потолке. Бор и Грилф — со мной. Молчали. Когда рассвело, я вызвал фургон, погрузил тело Ольгерда — на доску, накрытую белым полотном — и поехал во дворец.

Король ждал. В малом кабинете — камин, стол, три кресла. Ингус, Эвенвуд, Азард. Я вошёл, поклонился.

— Ваше величество. Ночь длинных ножей. Скоординированный удар секты по трём целям. Поместье — отбито, Ольгерд погиб. Коллегия — отбита, мастер Торен убит. Дворец — Адимус тяжело ранен, но жив. Отряд Алекса успел. Двое адептов взяты в плен.

Король молча выслушал. Долго молчал. Потом сказал:

— Мих. Ты теперь — барон. Барон Речных Земель. Это формальный титул пока без земли, но с правом заседать в совете и поднимать личную гвардию. Я не могу дать тебе армию — это война. Но я могу дать тебе статус. Используй.

Я преклонил колено. Я не спорил. Барон. Из гоблина — в бароны за седмицу. Если бы дед Николай это увидел, он бы смеялся неделю.

— Ваше величество. Благодарю.

— Встань, барон. Иди. У тебя — пленные.

— Ваше величество, одно.

— Говори.

— Адимус. Как он?

— Тяжело. Три ребра. Лёгкое. Но жив. Лекари колдуют. К утру будет знать больше.

— Я приду к нему. Как только смогу.

— Придешь. Иди.

Один из пленных адептов был не простым. Жрец среднего ранга — я узнал это по ауре, которую прочитал перстень-классификатор. Серая, пепельная, с теми особыми золотыми вспышками, какие бывают только у посвящённых. Я спустился в подвал поместья — Бор и

Грилф привели его туда, связанного, в цепях, которые я заранее подготовил. Жрец смотрел на меня — спокойно, без страха. Он знал, что я буду делать. Он не боялся.

— Ты опоздал, барон, — сказал жрец. Голос у него был ровный, с тем особым придыханием, какое я слышал у Торена. — Мы уже знаем, где все три осколка. Лунное затмение через тридцать дней. Фасет идёт.

— Три осколка. Поместье, Чёрный остров, Васторн.

— Ты знаешь.

— Я знаю больше, чем ты думаешь, жрец. Я знаю, что Фасет — бог-насекомое. Я знаю, что Поля боли — это его пастбище. Я знаю, что адепты — это его ретрансляторы. И я знаю, что вы — не победите.

— Мы уже победили, барон. Тридцать дней.

Я не ответил. Я достал Хранителя. Лезвие прозрачное, мифриловая рукоять, белый камень души в навершии. Жрец усмехнулся.

— Убьёшь — заберёшь душу. Я знаю. Я готов.

— Я знаю, что ты готов, — сказал я. — Но ты не знаешь, что я спрошу.

Я вонзил кинжал. Жрец не закричал. Жрец засмеялся — смехом шелестом, как треск хитиновых крыльев. Смех оборвался. Душа ушла. Я чувствовал — через рукоять, через камень — как Хранитель берёт. Берёт всё. Память, знания, планы, имена.

— Хозяин, — прошептал Хранитель. — Я взял его. Он многое знает. Давай поговорим.

Я спустился в лабораторию. Положил ладонь на Чёрный камень души. Четыре голоса — Эрегон, Валериус, Фауст, Морриган — приветствовали меня. Я мысленно кивнул.

— Хранитель. Что скажешь?

Хранитель ответил сразу.

— Хозяин, жрец знал многое. Три осколка. Лунное затмение через тридцать дней. Но самое важное — кто высокий жрец секты в нашем мире. Только имя: «Терон». И то, что Терон — был когда-то архимагом империи.

Я застыл. Терон. Архимаг Терон. Имя из учебника магической истории. Считалось, что он погиб двести лет назад в магических войнах. Я поворачиваюсь к Валериусу.

— Валериус.

— Да, хозяин.

— Терон — твой учитель. Расскажи.

— Хозяин, не сейчас. Это долго.

— Сколько?

— Двадцать лет учебы. Тридцать лет дружбы. Десять лет вражды. Я не могу рассказать за минуту.

— У нас тридцать дней.

— Я знаю. Я начну завтра. А сейчас — отдохни, хозяин. Ты заслужил.

Я стоял в лаборатории. Тридцать дней. До конца мира. И я — барон без земли, с командой из трёх — четверых, если считать Брунгильду, пятеро — если Алекса, семеро — если учеников-духов. Против секты, у которой есть шпионы при дворе, в коллегии, в гильдии гномов, в клане Золотой Рыси. И за спиной секты — бог. И за спиной бога — архимаг Терон, который когда-то учил архимага Валериуса, сущность которого теперь обитает в черном камне в камне. Ну что ж. Время еще есть нужно действовать.

Я мысленно потянулся к Хранителю. Лезвие мерцало — белым, тёплым, голодным. Свежая душа жреца была полна информацией. Тридцать дней. Три осколка. Лунное затмение. Терон. Я считал. Узоры. Узоры. Узоры. И я знал — узоры складывались в один, последний, перед концом мира.

Глава 8

Рассвет второго дня после Ночи длинных ножей пришёл серый, водянистый, с тем особым холодом, какой бывает в Андовилле, когда лето уже умерло, а зима ещё не родилась. Я не спал. Я лежал на топчане в прихожей поместья — спальню не хотел, спальня была Ольгерда, и я не мог в неё войти — и считал трещины на потолке. Восемь. К утру я встал, спустился в лабораторию, зажёл четыре магических шара под потолком. Сел за рабочий стол архимага, положил ладони на тёплый камень, закрыл глаза. Чёрный камень души отозвался — ровным тёплым светом, медленным пульсом, как сердце старого человека.

— Валериус.

— Слушаю, хозяин.

— Ты обещал рассказать.

— Обещал. Садись. Это будет долго.

Я мысленно усмехнулся. Я и так сидел. Но Валериус имел в виду не позу, а готовность к долгому разговору. Я ментально дал понять ему что готов.

— Алхимия — не химия, — сказал Валериус. — Алхимия — это диалог с материей. Каждое вещество имеет память. След того, кем оно было раньше. Камень помнит гору, из которой его вырубили. Вода помнит облако, из которого она упала. Корень папоротника помнит тень, в которой он рос. Алхимик не преобразует материю. Алхимик убеждает её вспомнить другое состояние.

Я молчал. Я слушал. Я думал о Москве, о деде Николае, о самогонном аппарате, о котором я когда-то думал, что это просто перегонка. Дед был прав, хотя не знал этого. Дед разговаривал с брагой — шептал ей, уговаривал, ругал. Я думал, что это старицкая блажь. Теперь я знал — это была алхимия. Древняя. Забытая. Настоящая.

— Эрегон, — сказал я мысленно. — Ты из Лагоша. Расскажи о древних.

Эрегон помолчал. Секунду. Две.

— Хозяин, древние алхимики Лагоша умели разговаривать с металлами и растениями. И те слушались. Современные алхимики забыли это. Поэтому их зелья в десять раз слабее.

— В десять?

— В десять — минимум.

— То есть, я могу в десять раз усилить свои зелья, если научусь разговаривать?

Валериус ответил — медленно, с той особой интонацией, с какой он говорил о вещах, которые считал забавными.

— В десять — если научишься плохо. В сто — если хорошо.

Я мысленно кивнул. Я не знал, хорошо ли я научусь. Но я знал, что попробую. Я открыл глаза. Я достал из стеллажа фиал с корнем синего папоротника — того самого, что я собирал на Чёрных болотах неделю назад. Корень был тёмносиний, влажный, будто покрытый тонкой скользкой плёнкой — такой бывает у растений, в которых живёт магия. Я положил его на гранитную плиту. Я посмотрел на него. Я почувствовал себя идиотом.

— Говори с ним, — сказал Эрегон. — Не словами. Ментально. Пошли ему мысль. Скажи: «Здравствуй. Ты — корень синего папоротника. Ты рос на Чёрных болотах. Ты помнишь тень, в которой рос. Я хочу сделать из тебя зелье регенерации. Ты согласен?»

— Эрегон, он что, ответит?

— Попробуй.

Я послал мысль. Тихую, осторожную, как человек, который стучит в дверь незнакомого дома. Корень молчал. Я подождал. Минуту. Две. Я послал ещё одну — мягче, теплее, с образом солнца и влаги. Корень молчал. Я уже хотел сдаться, когда почувствовал. Тонкая вибрация —

едва уловимая, как дрожание паутины под ветром. Корень ответил. Не словами — ментально. Он сказал: «Да». Я мысленно усмехнулся. Я разговаривал с корнем папоротника. И корень отвечал. Я — алхимик. Я — Мих из Речного, бывший москвич, который когда-то думал, что магия — это бета-версия игры. Теперь я знал — магия — это диалог. И я начал.

Через час у меня было зелье. Не по моему старому рецепту — по древнему методу. Каждый ингредиент — приветствовался, ему объясняли, зачем он здесь. Корень папоротника — для регенерации. Сок синего мха — для стабилизации. Капля крови мага — для привязки к ауре. Мана — для активации. Я разговаривал с каждым. Я уговаривал. Я просил. Через час зелье было готово. Я активировал перстень-классификатор. Надпись пришла быстро:

«Зелье регенерации. Уровень — мастер. Эффективность — 3х стандартного.»

В три раза. Не в десять. Но — в три. За первый раз. С корнем папоротника, который я раньше просто кидал в котёл. Я записал рецепт в свою книгу алхимика — на древнем языке, который я выучил по свитку Валериуса. Книга была тёмно-зелёная, кожаная, с серебряным замком. Я писал в ней редко — только тогда, когда находил что-то действительно важное. Сегодня — нашёл.

— Валериус, — сказал я мысленно. — Теперь — арсенал. Покажи.

Валериус помолчал. Потом — коротко, без предисловий:

— Спускайся. Второй уровень. Я покажу всё.

Я встал. Подошёл к Лабиринту нажал на серый камень. Щёлкнуло. Люк открылся. Я спустился — сорок семь ступеней, три оборота, мимо рун защиты, которые я уже знал наизусть. Руны сегодня светились ярче — синеватым, с фиолетовым отливом, как будто реагировали на присутствие четырёх духов в моём ментальном пространстве. Воздух стал холоднее, суше. Пахло камнем, старой магией, и чем-то — древним, как сама земля.

Внизу — круглая обсидиановая комната. Алтарь в центре, осколок портала в углублении. Я остановился у входа и активировал Истинное зрение — впервые в подземелье. Комната изменилась. Стены, которые я видел, как гладкий чёрный обсидиан, теперь были покрыты тонким узором — рунами, которых я не замечал раньше. Они шли по стенам, по полу, по потолку — сплошной вязью, как паутина, сплетённая рукой безумного ткача. Я мысленно отметил — это был не просто алтарь. Это была машина. Древняя машина Демиургов. Осколок порта лежал в центре не как украшение — как сердце, к которому шли все эти руны-сосуды.

— Валериус, — сказал я мысленно. — Это не просто алтарь.

— Нет, хозяин. Это — портал. Вернее — его треть. Вторая часть — на Чёрном острове. Третья — в Восторне. Три половины, которые никогда не должны соединиться.

— Но секта хочет их соединить.

— Да.

Валериус на секунду замолчал и продолжил:

— Хозяин, посмотри на левую стену. Между второй и третьей руной.

Я посмотрел. Между рунами — щель. Тонкая, как волос. Я провёл по ней пальцем. Щель расширилась — камень отъехал в сторону, как крышка саркофага. За стеной — ниша. В нише — три предмета.

Первый — малый кристалл-источник маны. Размером с фалангу большого пальца, прозрачный, с фиолетовым ядром, который пульсировал, как маленькое сердце. Я активировал перстень. Надпись: «Кристалл-источник маны. Большой накопитель. Заряд — полный. Принадлежность — Валериус Великий». Я поднял его. Тёплый, тяжёлый, как свинцовый шарик. Я мысленно спросил Валериуса.

— Это мой личный. Бери. Мне он уже без надобности.

— Спасибо, Валериус.

— Не благодари. Используй.

Я положил кристалл в магическую сумку. Вторым предмет — свиток. Плотный пергамент, свёрнутый трубкой, с печатью, которую я не узнал. Я развернул. Текст — на древнем языке, который я теперь читал. Заголовок: «Истинное зрение. Заклинание высшей ментальной магии. Школа демиургов». Я мысленно потянулся к Валериусу.

— Валериус, у меня уже есть Обнаружение.

— Истинное зрение — это другой уровень. Обнаружение видит ауры магов. Истинное зрение видит сквозь иллюзии богов, не только магов. Если Фасет попытается обмануть тебя — ты увидишь.

— Когда я смогу его активировать?

— Активируй сейчас. У тебя хватит маны — с кристаллом.

Я развернул свиток полностью. Читал десять минут. Когда закончил, я знал заклинание — слова, жесты, ментальный рисунок. Я мысленно поблагодарил Валериуса.

Третий предмет — книга. Толстая, в чёрном переплёте, с серебряным замком, который был не заперт. Я открыл. На первой странице — надпись, выведенная аккуратным почерком архимага: «О магии времени и пространства. Труд архимага Валериуса Великого. Незакончено». Я перелистнул. Страницы — исписаны, исчерканы, исправлены. Чертежи. Формулы. Рисунки порталов — круги с рунами, с линиями силы, с пометками на полях, которые я не мог разобрать. Я не понимал и половины. Но я понимал главное: Валериус работал над порталом. Валериус исследовал пространство и время. Валериус исчез, потому что зашёл слишком далеко.

Книга была толстая — триста страниц, не меньше. Из них исписаны — двести. Последние сто — пустые. Валериус не дописал. Я перелистнул обратно, к середине, к одной из страниц, которая была исчерчена особенно густо. Чертёж — круг, разделённый на три сектора, в каждом секторе — руна. Под чертежом — надпись: «Три точки. Три резонанса. Один ключ». Я мысленно повторил: «Три точки. Три резонанса. Один ключ». Я не знал, что это значит. Но я знал, что это — важно. Я запомнил. Я уже начал учиться не использовать земные слова.

— Валериус, — сказал я мысленно. — Ты исчез, потому что работал над порталом.

— Да.

— Ты почти открыл его.

— Да.

— И почти ушёл.

— Да. Но Фасет нашёл меня первым.

Я помолчал. Я стоял в нише, с книгой в руках, с кристаллом в сумке, со свитком за поясом. Я думал. Валериус — архимаг, который двести лет назад работал над тем же, над чем работала секта. Валериус хотел открыть портал — не для Фасета, для себя. Для знаний. Для того, чтобы увидеть другие миры. И Фасет нашёл его. Фасет всегда находит тех, кто открывает двери.

— Валериус, — сказал я. — Терон. Он тоже работал над порталом?

Пауза. Долгая. Я слышал, как в ментальном пространстве Фауст и Морриган затаили дыхание.

— Терон, — сказал Валериус наконец, — работал над всем. Терон был умнее меня. Терон был умнее всех, кого я знал. Терон — мой учитель. Я думал, он погиб. Я ошибся.

Я мысленно кивнул и не спрашивал больше. Я знал, что Валериус расскажет, когда будет готов. Сейчас — не был. Я поднялся наверх.

Вечером приехал мастер Гринфолл — погостить в поместье, как и обещал. Я встретил его у ворот — он ехал верхом, в своей фиолетовой походной мантии, с посохом, с тем особым видом, какой бывает у магов, которые знают, что их ждут. Гринфолл спешился, обнял меня — шумно, как всегда. Рядом с ним — его вечный спутник, молодой маг по имени Ларс, тот самый, которого я когда-то охладил заклинанием проливного дождя за грубость. Ларс был молчалив

и угрюм, как туча. Я мысленно усмехнулся. Ларс меня не любил — да он вообще никого не любил. Но Гринфолл держал его при себе: не из симпатии, а ради равновесия. Да и за год странствий успел привыкнуть к его угрюмой надёжности

— Мих! Барон! — Он хлопал меня по спине. — Я слышал. Король пожаловал титул. Поздравляю. Быстро растешь!

— Спасибо, мастер. Проходите. Ларс, рад видеть.

Ларс кивнул — коротко, без улыбки. Я не обиделся. Я уже привык.

Я повёл их в лабораторию. Гринфолл шёл, оглядывался, трогал стены — как ребёнок, который попал в музей. Ларс шёл молча, с посохом наготове, как воин в незнакомом месте. Когда мы спустились, Гринфолл остановился у Лабиринта Валериуса, и лицо его стало тем особенным, какое бывает у магов, которые видят шедевр.

— Мих, — сказал он тихо. — Я преподавал артефакторику сорок лет. И не видел такой лаборатории. Тебе повезло с учителем.

— Мастер Гринфолл, — сказал я. — Я хочу задать вам один вопрос еще раз.

— Спрашивай.

— Почему вы в Речном так легко расстались со свитком Абсолютной памяти? Это же редкость.

Гринфолл помолчал. Долго. Потом сел на табурет, положил посох на колени, посмотрел на меня — серьёзно, без той шумной весёлости, с которой обычно говорил.

— Повторю еще раз. Потому что я знал, кому даю. У тебя, Мих, есть что-то, чего нет у других магов. Ты не боишься учиться. Большинство магов, дожив до мастера, перестают учиться — они думают, что уже всё знают. Ты — нет. Ты как ребёнок, который каждый день спрашивает «а почему?». Я дал тебе свиток, потому что знал, ты его используешь. Не продашь, не спрячешь — используешь.

Я кивнул и промолчал. Я умел молчать, когда молчание было уместнее слов.

В роли посредника я наблюдал за переговорами Гринфолла и Валериуса. Тема осколков порталов звучала снова и снова, но ничего нового не всплывало: одни и те же факты, обёрнутые в разные формулировки.

Позже Валериус пояснил, что артефакты сейчас находятся в состоянии покоя. Для их пробуждения требуются три крупных накопителя маны и секретный пароль, которого у него нет. По его сведениям, пароль хранится у секты, как они получили его было не понятно.

Я предположил:

— Может, Терон подсказал.

Валериус вздрогнул. Я почувствовал — через камень, через ментальное пространство — как по нему прошла дрожь. Длинная, холодная.

— Не произноси его имя вслух, — сказал Валериус. — Он может слышать.

— Через осколок?

— Через любой из трёх. Они связаны.

Я замолчал. Тишина в лаборатории стала ощутимой, как камень. Гринфолл — который не слышал Валериуса, но видел моё лицо — тоже замолчал. Мы стояли. Молчали. Считали секунды.

Ночью я один спустился к осколку. Гринфолл ушёл спать. Бор и Грилф — на карауле, у входа в поместье. Брунгильда — в мастерской, стучала молотком по металлу, не переставая, как будто этим жила. Я — внизу, у алтаря, положил руку на обсидиан. Активировал Истинное зрение — по свитку Валериуса. Заклинание пришло легко — слова, жесты, ментальный рисунок — и мир изменился. Я видел. Я видел всё. Не ауры — структуру. Не магию — суть. Осколок портала — не просто обломок зеркала. Это была нить. Тонкая, светящаяся, уходящая куда-то — далеко, за пределы моего зрения, за пределы этого мира. Нить пульсировала. В ритме. Тот же ритм я чувствовал на Чёрном острове, когда мы брали камень души. Тот же ритм —

синхронный, ровный, как сердцебиение. Два осколка резонировали через сотни километров. И третий — где-то на севере, в Восторне — тоже резонировал. Я слышал. Три струны одной лютни. Три точки на карте империи, и все три звучали в унисон.

Осколки резонируют. Три точки на карте империи, и все три звучат в унисон, как три струны одной лютни. Только эта лютня открывает дверь, за которой стоит бог-насекомое и ждёт. И я стою над одной из струн, и не знаю, как её заглушить. Только как активировать. А активировать я не хочу.

Я убрал руку. Истинное зрение погасло. Я стоял в темноте — четыре магических шара под потолком погасли, когда я активировал заклинание, и теперь не хотели зажигаться. Я подождал. Через минуту они загорелись — тусклые, желтоватые, как старые фонари. Я поднялся наверх. Я не спал. Я сидел у стола и думал. Осколки уже не спят. Они просыпаются. У меня меньше времени, чем я думал.

Утром второго дня я вышел из лаборатории — умыться, позавтракать, почувствовать солнце на лице. Я не успел дойти до кухни. Из кузницы — той самой, что мастер Горн поставил Грилфу во дворе — раздался крик. Голос Грилфа. Я бросился.

Грилф стоял у наковальни, бледный, как полотно. В руках — раскалённый кусок мифрила, который он, видимо, только что вытащил из горна. Он смотрел на Брунгильду. Гномиха сидела на полу, у стены, и плакала. Не тихо — всхлипами, с тем особенным надрывом, какой бывает у людей, которые принесли дурную весть и не могут её выговорить.

— Мих, — сказал Грилф. Голос его был хриплым. — Она принесла вести из гильдии.

— Какие?

— Гномий король Голдейн встретился с послом секты. Гильдия механиков получила заказ: построить устройство для одновременной активации трёх осколков. Срок — двадцать дней.

Двадцать дней. Не тридцать. Двадцать. Я мысленно выругался. Я думал — тридцать. Я считал — тридцать. Жрец сказал — тридцать. Жрец соврал, или секта ускорила, или она с самого начала держала цифру двадцать, а жрецу дала тридцать — чтобы запутать. Любая из версий выглядела правдоподобно.

Я мысленно усмехнулся. Вывод оставался прежним: секта не стремилась быть умной. Она была хитрой. А хитрость — хуже ума: узор, который кажется понятным, меняется прямо у тебя на глазах. И ты понимаешь, что уже опоздал на шаг.

— Брунгильда, — сказал я. — Поднимись.

Она поднялась. Глаза красные, щёки мокрые. Я не обнял её — гномы, как и эльфы, не любили прикосновений. Но я сказал:

— Брунгильда, ты знаешь чертёж?

— Да.

— Ты видела его?

— Да. Я работала над ним.

— Ты можешь его воспроизвести?

Она молчала. Долго. Я ждал. Я умел ждать.

— Могу, — сказала она наконец. — Но, если я воспроизведу его — гильдия узнает, что я предатель. Моя семья...

— Твоя семья в горах Каран-Дум.

— Да.

— Я отправлю к ним гонца сегодня. Через седмицу они будут здесь, под защитой короля. А ты — рисуешь чертёж. Сейчас.

Брунгильда подняла на меня заплаканное лицо. Я видел — в её серых глазах — страх. И решимость. То особое, что бывает у людей, которые приняли решение и теперь не знают, как

к нему относиться. Я знал это выражение. Я видел его у Лириэли. У Бора. У себя — в зеркале, когда-то давно, в Москве.

— Мих, — сказала она. — Я нарисую.

— Сегодня.

— Сегодня.

Я кивнул и повернулся к Грилфу.

— Грилф. Коня. самого быстрого. В город, к Ольгерду... — Я осёкся. Ольгерд погиб. —

К Проклу. Передай: мне нужен гонец к гномам Каран-Дум. Сегодня.

— Понял.

— Грилф, постой.

— Да?

— Если Брунгильда начнёт — не мешай. Она должна сама.

— Хорошо.

Грилф бросил мифрил на наковальню — раскалённый металл зашипел, брызнули искры — и побежал к конюшне. Я стоял в кузнице, над плачущей Брунгильдой, и думал. Двадцать дней. Не тридцать. Двадцать. И секта уже строит устройство. И гномий король Голдейн — заодно с сектой. И я — барон без земли, с небольшой командой, с лабораторией, с осколком от портала, с сущностями магов в камне, с архимагом-предателем где-то в подземелье Чёрного острова. И у меня всего двадцать дней.

Глава 9

Прошла седмица после Ночи длинных ножей. Лириэль жила в коллегии, приезжала в поместье на выходные. Я встретил её у ворот в ту пятницу под пасмурным небом и характерным для начала осени в Андовилле ветром — в период межсезонья, когда лето завершилось, а зима еще не наступила. Она спешила с эльфийской лошади — серой, тонкой, как и сама Лириэль, — и я увидел сразу. Она изменилась. Глаза — твёрже. Движения — точнее. Не было той робости, которую я видел в ней раньше, в первые дни в столице. Не было той растерянности эльфийки из лесного городка Луруар, которая впервые оказалась в большом городе. Теперь в ней было что-то — не жёсткость, нет. Скорей — собранность. Как у человека, который пережил что-то плохое и теперь всегда готов к неприятностям. Я мысленно кивнул. После первого убийства — мастера Торена — в ней что-то сломалось. И одновременно что-то появилось. Лириэль сама это замечала. Я заметил это по тому, как она уклонялась от моего взгляда и как дрогнули ее пальцы при рукопожатии. Это её пугало больше, чем секта. Это пугало её больше, чем я.

— Мих.

— Лириэль. Проходи.

— Мих, я привела подругу! — воскликнула она, оборачиваясь.

Из изящной прогулочной повозки, запряженной статным вороным скакуном с блестящей шерстью, вышла высокая эльфийка с волосами цвета спелой пшеницы. Это была Селестия. Солнечная эльфийка с её факультета. Та самая, которая пропала три дня назад, которую мы считали похищенной сектой. Но как оказалось она не была похищена. Она пряталась — после убийства её соседки по комнате, которое она слышала из-за стены. Я активировал перстень-классификатор. Аура Селестии — чистая, золотая, без единого тёмного пятна. Эльфийке можно было доверять.

— Селестия, — сказал я. — Добро пожаловать.

— Рон Мих. — Голос у неё был мягкий, с тем особым придыханием, какое бывает у солнечных эльфов, которые росли в храмах Света. — Лириэль много о вас рассказывала.

— Хорошее?

— Честное.

— Селестия, куда вы пропали? Мы думали — секта.

— Я пряталась, рон Мих. — Она опустила глаза. — Я слышала, как убили мою соседку по комнате. Через стену. Я слышала её крик. Я не могла помочь. Я пряталась три дня, в подвале у друга. Потом Лириэль нашла меня.

— Селестия, вы — единственная, кто видел убийц?

— Я видела только тень. Но я запомнила ауру. Серая. Мёртвая.

— Как у адепта Фасета?

— Да.

Я мысленно кивнул. Селестия была полезна и нужна. Селестия — свидетель.

В поместье я их провёл. У ворот теперь стоял не Ольгерд, а Торвальд, бывший наёмник Алекса. Коренастый хуман; лицо — как дуб, суровое и твёрдое, а руки тяжёлые, привычные к мечу.

Лэра Адимуса выписали из дворцового лазарета утром того же дня. Я лично сварил для него зелье регенерации — новое, в три раза сильнее, по древнему методу Валериуса, с корнем папоротника, которому я объяснил, зачем он здесь. Адимус приехал в поместье на отдых — бледный, похудевший, с тем особым выражением лица, какое бывает у людей, которые видели

смерть близко и теперь не могут её забыть. Я встретил его у входа. Он кивнул — коротко, без улыбки.

— Мих.

— Лэр Адимус. Проходите. Комната готова.

— Благодарю.

Лириэль приехала на выходные. Адимус — на отдых. Между ними — напряжение. Я чувствовал его с первой минуты, когда они увиделись в прихожей. Лириэль — с Селестией, спокойная, собранная. Адимус — бледный, с перевязанной грудью, с тем особым взглядом, какой бывает у магов жизни, которые видят тёмную магию и не могут её принять. Они не обнялись. Они кивнули друг другу — формально, как два человека, которые когда-то были близки, а теперь — нет. Я мысленно запомнил. Я уже начинал учиться не использовать земные слова. Селестия, которая стояла рядом с Лириэлью, посмотрела на Адимуса — с тем особым спокойствием, какое бывает у солнечных эльфов, которые видят чужую боль и не судят.

— Лэр Адимус, — сказала она. — Вы бледны. Вам нужен отдых.

— Я в порядке, — ответил Адимус. Голос его был ровным, но в нём звенела та нотка, какая бывает у людей, которые не в порядке, но не хотят этого показывать.

— Адимус, — сказала Лириэль. — Ложись. Я приду позже.

— Лириэль, мы поговорим.

— Мы поговорим. Но не сейчас.

Адимус кивнул. Он ушёл — медленно, тяжело, с тем особым шагом, какой бывает у раненых, которые не хотят, чтобы их раны видели. Я смотрел ему вслед. Я ничего не мог сделать. Я мог только ждать.

Они говорили шёпотом на кухне, вечером, после ужина. Я делал вид, что не слышал. Я сидел в прихожей, с книгой Валериуса «О магии времени и пространства» на коленях, и читал — или делал вид, что читал. Я слышал каждое слово.

— Лириэль, ты не должна.

— Адимус, я должна.

— Ты не должна убивать. Ты — не убийца.

— Я — убийца, Адимус. Я убила Торена. Тёмной магией. И я не жалею.

— Не жалеешь?

— Нет.

— Тогда я не знаю тебя.

— Возможно, ты никогда не знал.

Бор, проходя мимо, бросил мне:

— Мих, они опять.

— Не лезь. Сами разберутся.

— Может, и разберутся. А может — нет.

— Бор, я сказал — не лезь.

— Мих, Адимус — маг жизни. Он не примет тьму. Никогда.

— Я знаю.

— Тогда зачем ждёшь?

— Потому что не могу решить за них. Это — их жизнь. Их выбор.

— А если выбор будет — тьма?

— Тогда я буду рядом. И решу.

Бор кивнул и ушёл. Он умел слушать, а значит, не требовал слов.

Я машинально перелистнул страницу. Книгу я не читал — просто держал перед собой, словно щит.

Лириэль и Адимус: тьма и свет. Их любовь была настоящей — я видел её в каждом жесте, в том, как они замирали рядом. Но законы магии не спрашивают согласия: тьма и свет сгорают друг в друге, не оставляя ничего, кроме боли

Я ничего не мог изменить. Только ждать. И считать. Потому что, если не считать, можно забыть, какой сегодня день.

Вечером Лириэль спустилась в лабораторию ко мне. Я сидел за столом, перебирая фиалы с зельями. Четыре магических шара под потолком горели тёплым жёлтым. Лириэль вошла — тихо, как эльфы умеют входить, беззвучно, как тень. Я не поднял головы. Я знал, что она пришла.

— Мих.

— Лириэль. Садись.

Она села на табурет напротив, и я невольно поднял глаза. Её бледность пугала — она была бледнее, чем утром, словно за эти часы мир успел вытянуть из неё силы. Тёмные круги под глазами говорили громче любых слов: переживания не прошли даром, они въелись в её лицо, как тень. В глазах горела упрямая решимость — такая, что становилось ясно: её не свернуть ни уговорами, ни страхом

. — Мих, научи меня контролировать.

— Контролировать что?

— Тёмную магию. Я чувствую, что она начинает управлять мной. Не я её использую — она меня. После убийства Торена я слышу шёпот. Не голоса — шёпот. Он говорит мне: «ещё, и ты станешь сильнее». Я не хочу «ещё». Но я не могу не хотеть.

Я помолчал. Я думал. Тёмная магия — это груз, который ты берёшь добровольно. Он даёт тебе силу, чтобы идти дальше, но с каждым шагом тянет вниз. Я думал о Лириэль — она не слабая. Но даже сильные ломаются, если пытаются нести всё в одиночку.

— Лириэль, это нормально.

— Нормально?

— Да. Магия требует дисциплины. Она даёт силу — и тут же проверяет, хватит ли у тебя выдержки её удержать. Единственный способ не рухнуть под её весом — ментальный блок. Я научу тебя. Каждый день, по часу. Без выходных.

— Без выходных?

— Без выходных. Тьма не отдыхает. Ты — не должна.

Она кивнула. Я мысленно потянулся к Валериусу.

— Валериус, подготовь ментальную матрицу для новичка. Тёмная магия, второй круг. Сильная, но неуправляемая. После первого убийства.

— Понял, хозяин. Матрица будет через пять минут.

Я мысленно кивнул. Валериус — архимаг, который двести лет учил магов, теперь учил Лириэль. Через меня. Я был проводником. Я был скальпелем. Валериус был хирургом, который оперировал душу.

На следующий день — первая тренировка. Лириэль сидела на табурете в лаборатории, с закрытыми глазами. Я — напротив, с Чёрным камнем души в ладони, с Валериусом в ментальном пространстве, с Эрегоном, который помогал. Я учил её ментальному блоку — плетение из шестнадцати узлов, каждый из которых привязывался к ауре получателя. Я учил её дышать — медленно, ровно, как учат в монастырях Лагоша, где Эрегон когда-то учился. Я учил её считать — от одного до десяти и обратно, пока шёпот не утихал. Лириэль старалась. Я видел — по тому, как у неё дрожали веки, по тому, как пальцы сжимали подол платья, по тому, как на лбу выступали капли пота. Тьма не хотела уходить. Тьма цеплялась.

Через час — первый результат. Лириэль открыла глаза.

— Мих. Я не слышу шёпота.

— Хорошо. Это — начало.

— Он вернётся?

— Да. Завтра. И ты снова его задушишь. И послезавтра. И через седмицу. И через месяц. Пока не научишься держать блок всегда.

— Мих, а если я не смогу?

— Сможешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты — Лириэль. Потому что ты — эльфийка, которая выбрала тьму, когда светлые отвернулись. Потому что ты — сильнее, чем думаешь.

— Мих, я боюсь.

— Я тоже.

— Ты? Боишься?

— Да. Я боюсь за тебя. Я боюсь, что потеряю тебя. Я боюсь, что Терон тебя заберёт. Я боюсь многого. Но я не сдаюсь. И ты — не сдайся.

Она кивнула. Я видел — в её глазах — надежду. Маленькую, слабую, как огонёк свечи на ветру. Но — надежду.

Во время следующей тренировки произошло непредвиденное. Лириэль пыталась поставить щит — третий узел, самый трудный, который требовал полной концентрации. Я сидел напротив, с камнем души в ладони, с Валериусом наготове. Лириэль сосредоточилась. Я чувствовал — через камень — как её мана текла, как она плела узор, как узор держался. И вдруг — сбой. Тонкий, как трещина в стекле. Лириэль потеряла концентрацию — на секунду, может, меньше — и в эту секунду что-то пришло. Я не сразу понял что. Сначала — холод. Резкий, как удар мороза под кожу. Потом — тень. В углу лаборатории, у стеллажа с фиалами, материализовалась фигура. Чёрный силуэт, без лица, с длинными тонкими пальцами, которые тянулись к Лириэли. Малая тень — тёмная сущность нижнего предела. Та самая, которую Лириэль вызвала против Торена.

Я мгновенно достал Хранителя. Кинжал нагрелся — сильно, до боли, как всегда, когда рядом было что-то тёмное. Я встал между Лириэлью и тенью. Тень шипела — не голосом, нет, чем-то другим, как треск хитиновых крыльев, как шорох сухих листьев. И я ментально.

— Хозяин тьмы... я чувствую хозяина тьмы...

Я не понял. Потом — дошло. Тень обращалась не ко мне. Тень обращалась к Лириэль. Она — её хозяин. Лириэль, сама того не желая, стала повелительницей тёмной сущности. Малая тень, которую она вызвала против Торена, осталась привязанной к ней. И теперь, когда Лириэль потеряла концентрацию, тень пришла.

— Лириэль, отправь её обратно. Немедленно.

— Мих, я не знаю как. Я вызвала её инстинктивно. Я не знаю заклинания возврата.

Я мысленно потянулся к Хранителю.

— Хранитель, можешь забрать?

— Хозяин, это тёмная сущность. Я могу её поглотить, но это сделает меня... темнее. Я не хочу.

Я мысленно кивнул. Хранитель, который собирал души врагов, отказывался от тёмных сущностей. Это было — что-то новое. Я обратился к Валериусу.

— Валериус, можешь изгнать?

— Могу. Но это ранит Лириэль. Связь хозяин-тьма двухсторонняя. Если я изгоню — она потеряет часть себя.

Я не успел ответить. Лириэль сама приняла решение.

— Нет. Не изгоняйте. Я сама. Дайте мне минуту.

Она села в позу медитации — на пол, скрестив ноги, положив ладони на колени. Закрыла глаза. Я стоял над ней, с Хранителем наготове, с Валериусом в голове, с Эрегоном, который держал щит. Тень шипела. Тень тянулась к Лириэль. Тень хотела — я чувствовал — остаться.

— Хозяин, — шепнул Хранитель. — Она сильная.

— Я знаю.

— Нет, хозяин. Она — сильнее, чем ты думаешь. Эта тень — малая, но связь хозяин-тень не слабая. Если Лириэль отправит её сама — это будет первый шаг. Она станет повелительницей.

— Я не хочу, чтобы она была повелительницей.

— Хозяин, это уже случилось. Она — повелительница. С того момента, как вызвала тень против Торена. Теперь — вопрос только в том, будет ли она контролировать, или тень — её.

Я молчал. Я считал секунды. Тень шипела. Лириэль дышала. Медленно. Ровно. От одного до десяти. Обратно. Я видел — по тому, как у неё дрожали веки — что она боролась. С тенью. С собой. С шёпотом, который говорил «ещё». Через пять минут тень медленно растворилась. Сначала — пальцы, длинные, как ветки ивы. Потом — силуэт. Потом — ничего. Только холод, который ещё держался в воздухе. Лириэль открыла глаза.

— Я отправила её. Но она придёт снова, если я позову. И я не уверена, что не позову.

Я молчал. Я не знал, что сказать. Я положил ладонь ей на плечо — осторожно, как трогают что-то хрупкое. Она не отстранилась. Я мысленно кивнул. Это был первый раз, когда она позволила мне прикосновение. Эльфы не любят прикосновений. Лириэль позволила. Я не знал, что это значит. Я знал только, что это — важно.

Этой же ночью у Лириэль было видение. Я спал — впервые за несколько дней, наконец-то уснул, на топчане в прихожей. Я проснулся от крика. Лириэль стояла в дверях — в ночной рубашке, мокрая от пота, с глазами, в которых был ужас. Я вскочил.

— Лириэль.

— Я видела его.

— Кого?

— Терона. Бывшего архимага. Он стоит в подземелье под Чёрным островом. Перед ним — все три осколка, собранные вместе. Он говорит: «Дитя тьмы, ты придёшь ко мне. Я жду тебя».

Я побледнел. Я чувствовал — как холод прошёл по спине, как по ней прошла дрожь. Секта знала о Лириэли. Они считали её «дитя тьмы» — будущую союзницу. Они будут пытаться её завербовать. Или украсть. Терон, архимаг, который двести лет назад мог сравниться с богами, хотел её. Я не отдам её. Даже если придётся драться с архимагом. Я мысленно поклялся. Я не знал, кому — себе, может быть. Я поклялся.

— Лириэль, отныне ты не выходишь из поместья без Бора или Грилфа. Никогда. И никогда — без ментального щита. Терон знает, кто ты. И он хочет тебя.

— Мих, я...

— Лириэль, не спорь. Это не просьба. Это приказ.

Она кивнула. Я видел — в её глазах — страх. И решимость. То особое, что бывает у людей, которые приняли решение и теперь не знают, как к нему относиться. Я знал это выражение. Я видел его у себя. Я мысленно потянулся к Хранителю. Кинжал, лежавший на тумбочке, отозвался.

— Хранитель.

— Да, хозяин.

— Если Терон придёт за ней — ты возьмёшь его душу.

— Хозяин, я голоден. Но Терон — архимаг. Это будет... трудно.

— Я знаю. Но ты попробуешь.

— Я попробую, хозяин. Я всегда пробую.

Я мысленно усмехнулся. Хранитель, который собирал души врагов, теперь хотел душу архимага. Я не запрещал. Я не мог запрещать. Я знал, что Терон — не просто адепт. Терон

— учитель Валериуса. Терон — тот, кто стоял за сектой. Терон — тот, кто хотел Лириэль. И я — тот, кто не отдаст.

Я провёл Лириэль в её комнату. Я подождал, пока она ляжет. Я вышел. Я не спал. Я сидел у камина в прихожей, считал трещины на потолке, и думал. Двадцать дней. Лириэль. Терон. Я считал. Узоры. Узоры. Узоры.

Дитя тьмы. Так они её называли. И они были правы — она дитя тьмы. Но не их тьмы. Её собственной. Тьмы, которую она выбрала, когда светлые эльфы отвернулись от неё. Тьмы, которая стала её единственным оружием, когда все остальные отвергли. Терон хотел её. Я хотел, чтобы она осталась со мной. Лириэль — это канат, который тянули в две стороны. Если перетянет Терон — мы потеряем её. Если перетянем мы — Терон потеряет своё будущее оружие. И я не знал, чья сторона сильнее. Я знал только одно: я не отдам её. Даже если придётся драться с архимагом, который двести лет назад мог сравниться с богами.

Утром — гонец. Торвальд, мой новый привратник, постучал в дверь прихожей. Я не спал — я сидел у камина.

— Хозяин. Гонец от магистра Гринфолла.

— Веди.

Гонец — молодой хуман в мантии коллегии, запыхавшийся, как будто бежал от самой коллегии — вошёл и поклонился.

— Рон Мих. Магистр Гринфолл просит срочно. В коллегии ещё два студента пропали. Оба — с факультета тёмной магии. Оба — после лекций мастера Вергилия, который заменил убитого Торена. Магистр подозревает — он тоже из секты. Но у него нет доказательств. Он просит вас приехать. И привести Лириэль — она единственная, кто может его вычислить через тёмную магию.

Я мысленно выругался. Коллегия снова под ударом. И Лириэль должна туда вернуться — туда, где Терон её ждёт. Туда, где мастер Вергилий — или кто он там — заманивает студентов тёмного факультета. Туда, где Лириэль — «дитя тьмы» — была мишенью.

— Передай магистру: я приеду через день. С Лириэль. С Бором. С Грилфом. С полным арсеналом.

— Понял, рон Мих.

Гонец ушёл. Я поднялся в комнату Лириэли. Она не спала — сидела на кровати, с подтянутыми к груди коленями, и смотрела в окно.

— Лириэль.

— Мих. Я слышала.

— Ты поедешь.

— Я знаю.

— Это опасно.

— Я знаю.

— Терон там.

— Я знаю, Мих. — Она подняла на меня глаза. — Но если не я — то, кто?

Я молчал. Я не знал ответа. Я знал только одно: она — наш единственный детектор. Без неё мы не найдём Вергилия. Без неё мы не найдём следующего шпиона секты. Без неё — мы слепы.

— Лириэль, ты готова?

— Нет, Мих. Но я поеду.

Я кивнул. Я вышел. Я закрыл дверь. Двадцать дней. Лириэль. Терон. Коллегия. Вергилий. Я считал. Узоры. Узоры. Узоры. И я знал — узоры складывались в один, последний, перед концом мира. И в этом узоре — Лириэль была нитью, которую тянули в две стороны и я не отдам её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.